

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 — К.В. Анисимов

« _____ » _____ 20__ г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.01. Филология

**ПОЛЕМИКА С Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ В РОМАНЕ
А.И. КУПРИНА «ЯМА»: ПОЭТИКА И ИДЕОЛОГИЯ**

Руководитель

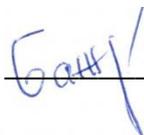
канд. филол. наук, доц. А.Ю. Горбенко

Выпускник

С.П. Дидиченко

Нормоконтролер

канд. филол. наук, доц. Я.В. Баженова

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И А.И. КУПРИНА.....	7
1.1. Жизнь и литература: Н.Г. Чернышевский	7
1.2. Жизнь и литература: А.И. Куприн	16
1.3. Генезис мотива спасения падшей женщины в русской литературе	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	31
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОМАНОВ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И А.И. КУПРИНА «ЯМА».....	33
2.1. Мотив «спасения» в романах «Что делать?» и «Яма»	33
2.1.1. Переключка судеб Веры Павловны и Любы	33
2.1.2. Реализм и идеализм в спасении падших женщин: Жюли Ле-Теллье и Люба.....	40
2.2. Реализация экономической концепции Чернышевского в «Яме»	44
2.3. Возможность разрешения «женского вопроса» в контексте романов.....	50
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	62

ВВЕДЕНИЕ

Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», вышедший в 1863 году, произвел большое впечатление на современников и получил много откликов в творчестве более поздних писателей, таких как Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой, В.В. Набоков и др. Являясь противоречивым критиком и теоретиком утопического социализма, Чернышевский с его идеями неоднократно подвергался обсуждению. Оказавший огромное влияние на молодое поколение, роман «Что делать?» называли «новым Евангелием» [Паперно, 1996: 166]. Однако популярность Чернышевского достаточно скоро сменилась критикой и полемикой, поскольку его концепции, на взгляд современников и позднейших авторов, содержали в себе много противоречий.

Что касается А.И. Куприна, то он известен в первую очередь как автор, поднимавший в своих произведениях тему прозрения простого русского человека. Особый резонанс у критиков был вызван его романом (классификация жанра по Ю. Дружникову и О. Михайлову) «Яма» (1917), в котором автор освещает тему проституции в России. Стоит отметить, что в то время публичные дома являлись узаконенными учреждениями, но, несмотря на легальность такой жизни и способа заработка, тема оставалась табуированной в литературе и обществе.

Сравнивая жизненные траектории Куприна и Чернышевского в контексте этого исследования, следует отметить, что Куприн, как и Чернышевский, был выходцем из демократической среды и имел схожий с Николаем Гавриловичем опыт отчуждения от центра культурной жизни своей страны, интерес к существованию людей периферии и попытке их перевоспитания. Однако, что касается последнего, их позиции были совершенно противоположными.

В «Яме» Куприна, вышедшей более чем через 50 лет после публикации романа Чернышевского, автор подвергает критическому осмыслению

возможность создания утопической социальной среды и попытку изменения человеческой психики посредством лишь изменения окружающих условий. Такая гипотеза становится возможной не только благодаря присутствию у обоих авторов одного и того же сюжета спасения порочной девушки, но и с помощью прямых отсылок Куприна на роман «Что делать?». Poleмика между рациональной теорией, гласящей, что человека можно переделать и современной реальностью, которая развенчивает эту идею, особенно проявляется в расхождении последствий изменения среды главных героинь, их перевоспитания и побуждения к труду – у Куприна попытка «переделки» не заканчивается успехом.

Ошибка рационалистов заключается в том, что они не учитывают человеческого и культурно-исторического опыта. Этим обстоятельством обусловлена особая **актуальность** работы, заключающаяся в опыте выявления системной «разбалансированности» национального литературного процесса, который обнаруживает разные типы усвоения идеологического и эстетического наследия русского и европейского Просвещения (прежде всего идей Ж.-Ж. Руссо), а также трудов французских социал-утопистов (А. Сен-Симона, Р. Оуэна, Ш. Фурье).

Научная новизна работы определяется выстроенной сравнительной историко-литературной перспективой, позволившей уточнить картину литературно-идеологических полемик внутри русского литературного процесса.

Объектом исследования является развернувшаяся в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв. острая идеологическая дискуссия о способах усвоения просвещенческого по своему происхождению рационализма и, в частности, о путях «исправления» человека.

Предмет работы – художественный диалог Куприна, автора романа «Яма», с Чернышевским.

Материалом послужили романы Чернышевского «Что делать?» и Куприна «Яма».

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные исследованию взаимоотношений литературы и идеологии (К. Гирц, А.Л. Зорин), семиотики бытового поведения / жизнетворчества (Ю.М. Лотман, И. Паперно и др.), а также исследования творчества и биографии Н.Г. Чернышевского (Н.В. Богословский, И. Паперно, А.В. Вдовин, Д.А. Щербаков и др.) и А.И. Куприна (П.Н. Берков, А.В. Вдовин, Г.Н. Боева и др.).

Целью исследования является фронтальное сопоставление романских поэтик «Ямы» и «Что делать?»: сюжетно-мотивных линий, позиций главных героев, реконструированных образов автора.

Сформулированная цель подразумевает решение следующих конкретных задач.

1. Изучить и сопоставить творческие и жизненные траектории Н.Г. Чернышевского и А.И. Куприна как ярких представителей русской литературы, расположившихся или на периферии национального литературного канона или, несмотря на популярность, не вошедших в него вовсе.
2. Рассмотреть генезис мотива спасения падшей женщины в русской литературе XIX столетия.
3. Исследовать мотивную поэтику романов Чернышевского и Куприна в сравнительной перспективе.
4. Выявить полемичность идеологической позиции Куприна относительно Чернышевского и показать, как это несогласие реализуется в структуре текста «Ямы».

В основу **методологии** исследования положен сравнительно-сопоставительный анализ произведений.

Теоретическая значимость работы определяется созданием целостной картины художественно-идеологической полемики Куприна с Чернышевским, исследовательским ракурсом, демонстрирующим взаимообусловленность литературных и внелитературных репрезентаций идеологических построений двух важных для русской литературы XIX–XX вв. авторов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут использоваться в преподавании различных курсов по истории и теории литературы.

Структура работы. Дипломная работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка использованной литературы, насчитывающего 55 наименований.

Первая глава посвящена анализу биографий Чернышевского и Куприна, а также траекториям развития их творчества. Во второй главе подробно рассмотрены способы построения систем персонажей и мотивная организация романов «Что делать?» и «Яма».

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в виде доклада на XVI Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, Сибирский федеральный университет, 11–12 апреля 2024 г.).

ГЛАВА 1. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И А.И. КУПРИНА

1.1. Жизнь и литература: Н.Г. Чернышевский

Сопоставление жизненной стратегии Н.Г. Чернышевского и его литературного творчества нельзя начинать без рассмотрения работ Ю.М. Лотмана и его ученицы И. Паперно. В статье «Декабрист повседневной жизни» литературовед, подробно рассматривая бытовое и языковое поведение декабристов, формулирует такое понятие как «поведенческий текст». Автор высказывает мысль о том, что «каждому тексту поведения на уровне поступков соответствует определенная программа поведения на уровне намерений» [Лотман, 1975: 39]. Этим тезисом исследователь показал, что автор является субъектом, создающим произведение и объектом влияния своего же текста. Интерпретируемый контекст поведения формирует особенности индивидуального творческого, мифологического и общекультурного развития художника. Таким образом, все элементы житнетворческой модели претендуют на знаковость, обладая литературностью и становясь житнетворческой поэтикой. Это означает, что всё, что связано с жизнью художника, может быть рассмотрено как часть его творчества, и что поведение художника в быту может иметь глубокий смысл и значение. К слову, концепция житнетворчества может быть применена не только к писателям, но и к другим профессиям, которые связаны с творческой деятельностью. Таким образом, концепция житнетворчества Лотмана дает новый взгляд на творческий процесс и позволяет лучше понять, как жизнь творящего влияет на его творчество

Эта концепция получила свое продолжение в трудах И. Паперно. Ею была предложена сама идея текстуализации биографии, превращения ее в последовательность значимых компонентов, похожих на мотивы или эпизоды

в литературном сюжете. Ее работа «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» (1996) посвящена подробному рассмотрению связи биографии Чернышевского с его творческой стратегией. С явлением, похожим на описанное Паперно, мы сталкиваемся в модернистском феномене жизнетворчества. В результате возникает необходимость подробного изучения биографии писателей, творчество которых исследуется в нашей работе.

Детство играет важную роль в формировании человеческого характера, поэтому изучение контекста творчества любого писателя следует начинать с описания ранних лет. Рожденный в семье священника, Николай Гаврилович Чернышевский с самого детства имел доступ к обширной книжной базе, что способствовало его интеллектуальному развитию. Тут же стоит отметить, что с раннего возраста он наблюдал классовое неравенство: бурлаки, например, не получали должной поддержки от государства: «С детства Чернышевский имел возможность наблюдать тяжелые стороны крепостного права. На берегу Волги перед его глазами проходил изнурительный труд бурлаков» [Чернышевская, 1964: 63].

Со временем положение крестьян становилось только тяжелее – увеличивались оброки и повинности. Росло обезземеливание крестьянства, голод, а в 1827 году Николай I и вовсе запретил принимать крепостных в учебные заведения. Такая социальная картина сильно повлияла на молодого Чернышевского – его идеологические изыскания были направлены на социальное равенство.

В 1848 году происходят революции в ряде европейских стран. Это дает Чернышевскому толчок к новым размышлениям и перемене своих взглядов. Анализируя опыт общественных волнений за рубежом, Чернышевский обращал внимание на «практическое бессилие» буржуазного либерализма. По его мнению, он мог лишь помешать российскому революционному движению. Чернышевский считал, что только рабочий народ заинтересован в серьезном социальном преобразовании и видел возможность избегания капитализма в

образовании русской крестьянской общины: «основным принципом своих желаний по делу освобождения крепостных крестьян мы должны принять то, чтобы они не остались без земли» [Чернышевский, 1939: 91]. Переворот в социальном устройстве должен был привести к ликвидации помещичьей собственности на землю, а его подготовка организована группой революционеров. И не смотря на поражение революционеров, это событие позволило ему увидеть, как делается история, как ведут себя те или иные классы в обострившихся ситуациях. В этом же году Чернышевский начинает вести дневник. Примечательно то, что начинается он с описания женитьбы его близкого друга В.П. Лободовского. Они были едины в стремлении к политическим переменам и общественному прогрессу, оба были убежденными принципиальными революционерами и дружно боролись за свои идеалы. Писатель находил много сходства с другом: рождение в духовной семье, учебная деятельность, политические и социальные взгляды. Их работы и идейные концепции, несмотря на отличия в некоторых аспектах, в целом сходились в понимании необходимости социальных преобразований и их реализации через образование и просвещение. В какой-то степени он был для него авторитетом, поэтому Чернышевский равнялся на него и пытался «косвенным образом разделить некий опыт, не данный ему в непосредственном ощущении, т. е. испытать опосредованные чувства» [Паперно, 1996: 49].

Отношения с этим человеком и активное участие Чернышевского в его брачной жизни, несомненно, оказали большое влияние на взгляды писателя, которые потом получили свою реализацию в романе «Что делать?». Дело в том, что Чернышевский был привязан к своему другу, отождествлял себя с ним, особенно во взглядах на семейные отношения. Принимая участие в его личной жизни, он взял модель «тройственного союза» за идеал и пытался создать свой собственный брак на ее основе. Познакомившись с Ольгой Сократовной, Чернышевский много размышляет в дневнике о своих чувствах, пытаясь объяснить их с рациональной точки зрения. Он намеренно ищет в

возлюбленной недостатки и, как отмечает И. Паперно, «чувство неполноценности побудило Чернышевского искать такую невесту, чье положение улучшилось бы благодаря браку с ним. Мечтая об идеальной женщине, Чернышевский вместе с тем искал женщину с дефектом» [Там же: 89]. Только такой союз мог быть удачным и правильным по мысли Чернышевского. Писателя привлекала плохая репутация девушки, так что он был уверен, что способен изменить её своим «спасением», а следовательно, построить идеальные отношения. Помимо этого, И. Паперно в своем исследовании упоминает дополнение Чернышевским «теории перелома палки»: «Женщины, утверждал он, заслуживают компенсации за все века угнетения – он предлагал не только даровать им право на неверность, но сделать это их преимущественным правом. Прелюбодеяние должно было стать прерогативой женщины» [Там же: 105]. Основываясь на приведенных тезисах, можно сделать вывод о том, что восприятие Чернышевским семейного института отличалось от традиционного. В его дневниковых записях, статьях и художественных произведениях прослеживается стремление к созданию и укреплению в обществе новой модели семьи основанной на принципах равенства и свободы, что отражало идеалы времени и способствовало изменению структуры общества.

Также большое влияние оказал на Чернышевского А.В. Ханыков – участник кружка Петрашевского. Именно он рассказал ему о концепции Ш. Фурье и обещал поделиться своими книгами: «Чернышевский молча слушал его с неослабевающим вниманием. Все, о чем говорил Ханыков, было ново и незнакомо ему» [Богословский, 1955: 102]. С Ханыковым он обсуждал вопрос о возможности революции в России, о классах, которые принял бы участие в ней, об освобождении крестьян и всего другого, что затрагивало тему преобразования России. Идея Ш. Фурье о том, что нужно стремиться «использовать в производстве все страсти, все характеры вкусы и инстинкты» [Фурье, 1938: 16] стала тезисом просвещения и одной из центральных философских установок писателя.

С принятием фурьеристских идей можно говорить о формировании определенной идеологии у Чернышевского, которую он постепенно начинает нести в массы и которая получает свою полную интерпретацию в романе «Что делать?». К. Гирц в работе «Идеология как культурная система» выделяет такие характеристики идеологии как «предубеждения, упрощение, эмоциональность языка, потворство общественным предрассудкам» [Гирц, 2004: 225] и проявление всех этих черт можно проследить в романе Чернышевского. Тут же стоит отметить, что разрабатывая свою идеологию, Чернышевский не учитывал социального и психологического контекста. Им была лишь придумана идеальная модель общества и совершена попытка навязать ее народным массам. Пропаганда определенной концепции тоже есть элемент идеологического мышления. Социолог Вернер Старк также отмечал, что человек, впавший в идеологию «обманывается собственной мыслью и сбивает с толку других неумышленно и невольно» (цит. по: [Гирц, 2004: 228]). В книге «Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века» (2001) А.Л. Зорин, рассуждая о понятии идеологии, указывает на то, что литература является одной из важнейших сфер ее производства: «<...> искусство, и в первую очередь литература, приобретает возможность служить своего рода универсальным депозитарием идеологических смыслов и мерилom их практической реализованности» [Зорин, 2001: 28]. Основываясь на приведенных тезисах, можно сделать вывод о том, что жизненная и творческая стратегия Чернышевского были полностью подчинены его идеологической программе (наиболее отчетливо и последовательно – хотя и на языке художественной репрезентации – выразившейся в его романе «Что делать?»).

Чернышевский достаточно рано начал свою литературную деятельность. Его магистерская работа «Эстетическое отношение искусства к действительности» была защищена в 1855 году. Основную мысль этого текста позже выразил Н.А. Бердяев в своей книге «Русская идея» (1946): «Действительность выше искусства. Это тезис Чернышевского» [Бердяев,

2008: 136]. Один из ключевых выводов диссертации Чернышевского утверждает идею о том, что действительность совершенна, а фантазии лишь ее неудачная переделка. Этот труд декларировал отрицание концепции «чистого искусства» и пропаганду утилитарного подхода к искусству, прежде всего с социально-политической направленностью. Однако, главный недостаток этой философии заключался в недостаточном внимании к частным проблемам. Г.А. Соловьев в книге «Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова» (1974), рассуждая об эстетическом наследии Чернышевского, обращает внимание на то, что выдвигаемые им понятия «чрезвычайно плодотворны в своих границах, но не могут претендовать на всеобщее научное значение» [Соловьев, 1974: 39], что также подтверждает некоторую ограниченность рассматриваемой концепции.

В 1860 г. появляется основное философское произведение Чернышевского – «Антропологический принцип в философии». В этом труде Чернышевский рассматривает философский антропологический принцип, основанный на представлении о человеке в качестве практического существа, направленного на достижение счастья и свободы. По мнению философа, каждый должен быть ориентирован на удовлетворение своих потребностей и интересов, а не абстрактных идеалов и нравственных законов. В этом отношении он придерживался принципа «разумного эгоизма», который зародился еще в античности. Согласно этому принципу, поступки человека должны согласовываться с его внутренними побуждениями и склонностями. Чернышевский видит в «разумном эгоизме» способ преодоления эгоистических и индивидуалистических тенденций и полагает, что, следуя своим истинным интересам, люди неизбежно придут к осознанию необходимости сотрудничества и взаимопомощи. Это, в свою очередь, приведет к созданию более справедливого и равноправного общества, где каждый человек сможет достичь своего полного потенциала и жить в гармонии с другими.

Антропологический принцип Чернышевского основывается на предположении о том, что человек – это центральный фокус во вселенной. Он предполагает, что все феномены и явления мира должны быть объяснены на основе человеческой природы и человеческих потребностей. Философия на базе этого принципа должна рассматривать человека как нравственное и физическое существо, социального актера в зонах нравственности.

Чернышевский отрицает принятые в его времени нравственные нормы и господствующие идеи, утверждая, что философская мысль должна базироваться на наблюдениях и опыте, а не на предположениях и догмах.

Он придерживается точки зрения, что сосредоточение на проблемах человеческой жизни, достижения благосостояния и свободы должны быть в центре внимания философии. Он утверждает, что «настоящие причины находятся в эмпирических формированиях, связанных с действительностью определенных ценностей, которые свойственны человеческой природе» [Чернышевский, 1987: 189]. Политик и литературный критик А.В. Луначарский высказался о взглядах Чернышевского следующим образом: «Чернышевский рассуждает приблизительно так: новый человек, революционный демократ и социалист, разумный человек совершенно свободен. Он не признает над собой никакого бога, никакого долга. Поступает он исключительно из эгоистических соображений, то есть он сам – свой верховный трибунал» [Луначарский, 1965: 259]. К тому же, Чернышевский утверждает, что философия должна быть гуманистической и ориентированной на социальное развитие. Он призывает к тому, чтобы философская мысль была заботливой, этической и способной вдохновить людей на проявление сострадания и сотрудничества. Чернышевский советует посвятить время изучению сильных и естественных сторон человеческой природы, чтобы понять, как человек может достичь своих целей. Таким образом, эта работа оказала значительное влияние на развитие русской философии и литературного процесса.

Ведя преподавательскую деятельность, Чернышевский также транслировал свои идеи и делал успехи. Ученики любили его, поскольку он отбросил формальности и относился к ним с уважением. Позже работая в журнале «Современник», Чернышевский стал настолько близок Н.А. Некрасову своими идеями, что ему было позволено определять идейную направленность журнала. Помимо него с издательством сотрудничали, и другие известные писатели, такие как И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Д.В. Григорович и др. Они не разделяли революционных взглядов Чернышевского, что привело к идеологическому расколу. Писатели-разночинцы выступали за радикальные изменения и нигилизм, а писатели-аристократы вступали с ними в полемику. Например, критика трудов Чернышевского прослеживается в следующих выражениях Тургенева: «Чернышевского за его книгу – надо бы публично заклеить позором. Это мерзость и наглость неслыханная» [Тургенев, 1982: 37], «Давно я не читал ничего, что бы так меня возмутило. Это – хуже, чем дурная книга. Это – дурной поступок» [Там же: 43]. Письма, содержащие такую негативную оценку, писались и рассылались в узкий промежуток времени, что свидетельствует о высокой степени возмущенности Тургенева.

В 1856 году Л.Н. Толстой пишет письмо к Н.А. Некрасову, в котором отчетливо проявляется остро-негативное отношение писателя к Чернышевскому:

Нет, вы сделали великую ошибку, что упустили Дружинина из вашего союза. Тогда бы можно было надеяться на критику в «Современнике», а теперь срам с этим клоповоняющим господином. Его так и слышишь тоненький, неприятный голосок, говорящий тупые неприятности и разгорающийся ещё более от того, что говорить он не умеет и голос скверный [Толстой, 1949: 74].

Знаменитый в свое время литератор П.Д. Боборыкин писал о романе Чернышевского так: «Огромный успех среди молодежи романа “Что делать?”, помимо сочувствия коммунистическим мечтаниям автора, усиливался и тем, что роман писан был в крепости и что его автор пошёл на каторгу из-за одного какого-то письма с его подписью, причём почти половина сенатских

секретарей признала почерк письма принадлежащим Чернышевскому» [Боборыкин, 1929: 309]. Н.С. Лесков тоже отмечал особую популярность этого романа: «О романе Чернышевского толковали не шёпотом, не тишком, – но во всю глотку в залах, на подъездах, за столом г-жи Мильбрет и в подвальной пивнице Штенбокова пассажа. Кричали: “гадость”, “прелесть”, “мерзость” и т. п. – все на разные тоны» [Лесков, 1956: 13].

В.Ф. Антонов подробно описывает феномен распространения ассоциаций, основанных под влиянием «Что делать?»: «Ишутинцы, первые последователи Чернышевского, завели переплетную мастерскую, думали создать товарищество извозчиков и ассоциацию рабочих брянского металлургического завода, приступили к организации артели на ватной фабрике в Можайском уезде <...>. По инициативе Н.А. Ишутина сестры Е.Л. и А.Л. Ивановы создали швейную мастерскую. Ишутинцы имели связь со швейной ассоциацией С.В. Котельниковой. В Саратове “по мысли Чернышевского” А.Х. Христофоров создал ассоциации рабочих, а Иняевская на артельных началах – модный дамский магазин» [Антонов, 2017: 146].

В.И. Ленин тоже отмечал роман Чернышевского, но эта оценка была идеологическая, а отнюдь не художественная. Но в целом Чернышевский и сам не считал себя человеком с большим художественным талантом. Н. Мещеряков обобщая отзывы Ленина о Чернышевском выделяет такие номинации как «Демократ», «гениальный провидец», «наш русский великий утопист», «великий русский писатель», «великий русский социалист», «социалист-утопист», «величайший представитель утопического социализма», «последовательный боевой демократ», «замечательно глубокий критик капитализма», «великорусский демократ, отдавший свою жизнь делу революции», «русский великий социалист до-Марксова периода», «один из первых социалистов в России, замученный палачами правительства» [Мещеряков, 1939: 18].

Чернышевский внес значительный вклад в формирование и развитие российской социал-утопических настроений. Он был уверен в том, что

революция принесёт людям счастье и стал тем, кто своей верой смог перевернуть ход истории. Не смотря на цензуру, Чернышевский, не боясь репрессий, доказывал своим читателям, что с извечными проблемами помогут справиться не реформы, а только коренные общественные преобразования.

Публикация первого художественного произведения Чернышевского – романа «Что делать?» – вызвала еще больший резонанс среди всех слоёв общества, вызвав неоднозначные оценки и многочисленные обсуждения. С одной стороны, автора обвиняли в безумии: «Хотелось бы думать, что писавши свой роман, он не был цел душевно. Тогда есть объяснение для его дела» [Цитович, 1879: 4]. С другой стороны, в произведении увидели замечательное выражение «глубокой мысли», благодаря которой он «преследует иронией и сарказмом все, что бременит землю и коптит небо» [Писарев, 1955: 9]. «Что делать?» стал не только знаковым произведением в литературе движения народников, но и стал мощным катализатором социальных и культурных преобразований. Роман задавал тон для будущих идеологических дискуссий, формируя общественные взгляды и политические настроения, а его оценки подчеркивают противоречивость состояния интеллектуальной среды XIX века. Петр Алексеевич Кропоткин отмечал особое влияние романа на молодое поколение: «С художественной точки зрения повесть не выдерживает критики, для русской молодежи того времени она была своего рода откровением и превратилась в программу» [Кропоткин, 2014: 267]. Мысли о важности и влиянии на общество идей в этом произведении нашли свое продолжение в трудах и современных исследователей: Г.П. Верховского, Н.В. Водовозова, Н.И. Громова, Е.И. Покусаева, М.Т. Пинаева Б.С. Рюрикова, В.Н. Шульгина.

1.2. Жизнь и литература: А.И.Куприн

Биография А.И. Куприна интересна тем, что, несмотря на большую популярность и эпатажность в XX веке, сейчас он является практически забытой фигурой. Например, в биографии писателя написанной В.Д. Миленко «Куприн: возмутитель спокойствия» (2016) особенно подчеркивается двойственность его личности и творчества: с одной стороны, Куприн представлялся как бунтарь и авантюрист, с другой – как серьезный и глубокий писатель: «Свита писателя создавала его образ, играя на романтической и классической темах. Первая рождалась из стихийного протеста, странничества, риска, спорта, вторая – из утверждения в Куприне “нового Толстого”» [Миленко, 2016: 181]. Куприн выделялся на фоне своих современников не только эксцентричным поведением, но и разнообразием своих литературных интересов. Его произведения охватывали широкий спектр тем, однако, несмотря на свою значимость в начале XX века. Вероятно, одной из причин снижения популярности Куприна стала смена литературных и культурных приоритетов, а также обилие новых имен и направлений, которые пришли на смену писателям его эпохи. Кроме того, политические и исторические потрясения XX века также внесли свой вклад в изменение литературного канона, где место Куприна оказалось недостаточно прочно закрепленным. Тем не менее, его творчество остается актуальным для исследования.

Стоит отметить, что Куприн, как и Чернышевский, относился к деятельным писателям. Он много путешествовал, был очень разносторонней личностью и создавать яркие образы в своих произведениях ему помогал жизненный опыт. Бросив службу, он попробовал себя в разных ремеслах «С детских лет, когда военный мундир кадетского корпуса позволил ему примерить первую роль, и всю оставшуюся жизнь он кого-то или во что-то играл» [Миленко, 2016: 3]. Его опыт работы в журналистике, армии, железной дороге и других профессиях позволил ему полностью погрузиться в разные области жизни и привнести эту реалистичную принципиальность в произведения.

Для сопоставления сценария его биографии с Чернышевским стоит рассмотреть такие компоненты как определенная среда рождения и воспитания, начало творческого пути, женитьба и отношение к браку, а также изучить его концепцию мировоззрения. При анализе всех этих деталей будет прослеживаться полемика Куприна с Чернышевским, поскольку он не пытался навязать народу определенную идеологию, он изучал сам народ. На этой почве у Куприна с Чернышевским рождается жизнетворческий, эстетический и политический конфликт.

Детство и юность Куприна прошли в военной среде, что наложило значительный отпечаток на его мировоззрение и интересы. В отличие от него, Чернышевский родился в семье священника и получил классическое образование в духовной академии, что предопределило его склонность к теоретическому осмыслению социальной и политической действительности.

Литературная деятельность Куприна с начала и до самой смерти отражает его постоянный интерес к многообразному творчеству народа. Прежде всего, на него повлияли семейные предания, легенды и мифы, которые в детские годы писатель слышал от матери: «Годы девичества, проведенные Любовью Александровной в Зубове, были временем становления ее личности. Многое из того, что ей привилось здесь, сохранилось на всю жизнь и оказало решающее влияние на ее сына: любовь к меткому и образному русскому слову, устному народному творчеству, сельской природе...» [Фролов, 1984: 35]. О любви и внимании его матери к слову также пишет В.А.Лилин «Расскажешь или прочтешь ей что-нибудь, – вспоминал А.И. Куприн, – она непременно выскажет свое мнение о метком, сильном, характерном слове. Откуда она брала такие слова? Сколько раз я обкрадывал ее, вставляя в свои рассказы ее слова и выражения» [Лилин, 1984: 8].

Так сформировалась мировоззренческая ориентация Куприна на фольклор. В дальнейшем его творчество во многом насыщено сюжетами, заимствованными из быта и обрядов русского народа. Они позволили воссоздать в произведениях Куприна атмосферу духовной культуры народа.

Примером тому являются рассказы: «Прапорщик армейский» (1897), «Лесная глушь» (1898), «Фараоново племя» (1911), цикл очерков «Югославия» (1928) и другие произведения писателя.

Публикуя свои первые небольшие рассказы и очерки, он проявил себя как мастер реалистической прозы. Его произведения отличались живыми описаниями, психологической глубиной и вниманием к деталям. Как было упомянуто ранее, он многое черпал из сказок, легенд, песен, обрядов и поверий, создавая образы, которые наделяет типичными чертами народного характера: привязанность к своим корням, верность своим принципам, ценности семьи и дома. Такие черты присущи героям повестей «Гранатовый браслет» (1910), «Олеся» (1898), «Белый пудель» (1904) и другим. Рассматриваемая «Яма» тоже не исключение – в романе встречаются мотивы из народных песен. Фольклорная традиция также повлияла на стиль письма Куприна. Его произведения отличаются яркой образностью, живописностью и языковой точностью. Он использовал много образов и метафор, которые были заимствованы из фольклора. Отсюда следует, что мировоззрение Александра Ивановича Куприна сформировалось под влиянием самой жизни, а не благодаря зарубежным философским идеям. Это делает его творчество правдоподобным и самобытным. Кроме того, писатель и сам становился героем устного народного творчества: про него и происшествия с его участием нередко рассказывали байки, придумывали анекдоты. Например, в дневнике Чуковского можно встретить следующий пассаж: «Был единственный русский поэт, которого после 1917 года называли “господин”, а не “товарищ”. Это – Юргис Бальтрушайтис, литовский подданный, писавший русские символические стихи. В первые годы революции он стал литовским послом, кажется, получил даже автомобиль, о котором прежде не смел и мечтать. Это был очень молчаливый господин высокого роста, редко расстававшийся с бутылкой. Он любил пить в одиночестве, прихлебывая вино небольшими глотками. Фамилия его была похожа на русское повелительное наклонение

множественного числа. Поэтому, когда он познакомился с Куприным и сказал ему свою фамилию:

– Бальтрушайтис.

Пьяный Куприн ответил:

– А я уже набальтрушался» [Чуковский, 1995: 442].

Также о характере Куприна свидетельствует анекдот, зафиксированный в работе Ф.Ф. Фидлера «Из мира литераторов» (2008): «Каменский рассказал свою версию (знает понаслышке) о скандальном столкновении Куприна с офицером Сахновским, а именно за столом, где сидел Куприн со своими телохранителями, началась перебранка; Корецкий дал затрещину Манычу (или наоборот), офицер сделал ему укоризненное замечание, и Куприн спросил его: “Почему вы носите орден на груди, а не на заднице, которую всегда подставляли японцам?” Офицер вызвал его на дуэль и дважды передал ему свою визитную карточку, которую Куприн, не читая, дважды порвал и выбросил» [Фидлер, 2008: 476].

В.Д. Миленко в биографии писателя отмечает долгое сосуществование «белого» и «черного» Куприна [Миленко, 2016: 196]. Речь идет о писателе как о фигуре светской, интеллигентной и его буйной натуре: «газеты полны всяких примеров его выходов: кого-то облил горячим чаем, задиру выбросил из окна, хулигана толкнул в одежде в бассейн, воткнул кому-то вилку в казенную часть, поджег платье даме...» [Терещенко, 2015: 310].

На какое-то время писателя успокоил брак с Марией Давыдовой. Сравнивая его отношение к браку Чернышевского, можно говорить о противоположности взглядов. Куприн женится из-за влюбленности, его семейные ценности абсолютно традиционны и в них нет никакой рациональности. И хотя В. Миленко в биографии Куприна предполагает, что этот брак был «взаимовыгодный договор», в этом случае не было такого расчета как в жизненной стратегии Чернышевского. Эти отношения нельзя назвать «проектом» несмотря на то, что брак с Мусей очень повлиял на карьеру Куприна. Его произведения часто репрезентируют его личный опыт и

переживания, связанные с браком и семейными отношениями. («Страшная минута» (1895), «Одиночество» (1898), «Сентиментальный роман» (1901)), в то время как для Чернышевского, как уже говорилось, брак был лишь союзом единомышленников, стремящихся к общим идеалам.

Возвращаясь к теме народной жизни в творчестве Куприна, стоит рассмотреть писателя с точки зрения его идеологии и тут снова возникает противоречие с мировоззрением Чернышевского. Чернышевский, начиная свою литературную деятельность с критических статей и теоретических работ, использовал литературу как средство пропаганды своих революционных идей. Роман «Что делать?» стал кульминацией его литературной деятельности, выразив его утопические и социалистические взгляды. В отличие от Куприна, Чернышевский не стремился к реалистичному изображению жизни, а использовал литературу как инструмент для изменения общества. Куприна нельзя назвать идеологом поскольку он в большей мере был этнографом – именно практическим исследователем народной жизни, а не теоретиком. В эмиграционный период он пишет много путевых очерков, в которых заметно его теплое отношение к родине и идеализация русского быта. Как отмечает литературовед А.В. Терещенко: «Его интересовали и новый физический труд, и новые простые люди, и новые яркие впечатления. У него не было «чугунного зада», каким обладал Лев Толстой, которого он уважал, ценил и постоянно держал в кабинете портрет великого классика русской литературы» [Терещенко, 2015: 308]. Этот комментарий характеризует писателя как активного исследователя и описателя реальной обстановки народной жизни.

Октябрьскую революцию Куприн тоже не воспринимает: отрицает политику «военного коммунизма», действия «красного террора». Он не принял новую власть и вскоре после революции покинул Россию. В 1919 году Куприн эмигрировал во Францию, где продолжил литературную деятельность. Однако жизнь в эмиграции была сложной и полной лишений: «Очень похудевший от пережитого – разрыва с Родиной, скитаний, бессонных

ночей, он уже не походил на татарского хана времен зенита своей литературной славы и к пятидесяти годам выглядел типичным русским интеллигентом. Он чувствовал себя очень постаревшим» [Михайлов, 1981: 211], «Москва! Как боготворит воспоминания о ней Куприн теперь, здесь!» [Там же: 212]. Биография Куприна в изложении М.В. Михайлова подтверждает переживание писателем сильной ностальгии по родине, что нашло отражение в его поздних произведениях.

Он резко критикует политические взгляды Ленина на обустройство нового государства. Особенно это проявилось в его очерке «Ленин. Моментальная фотография» (1921), написанном после встречи с революционером. Здесь Куприн сравнивает его с камнем, уничтожающим все на своем пути, а у большевиков, в свою очередь, не было оснований считать писателя «своим». Отношение же В.И. Ленина к Чернышевскому было упомянуто ранее и в этом аспекте тоже прослеживается полярность взглядов писателей.

Публикация «Ямы» (1917) вызвала особый резонанс, как среди писателей, так и среди читателей. Работа была начата в еще 1908 году и этот роман оказался самым спорным среди произведений Куприна. Писателя на этом этапе творчества этот период не оставляет мечта создать произведение, которое бы охватывало всю сложность и многогранность социальной жизни. Тема проституции интересовала Куприна не только как пример социального поведения, но и как показатель более широких культурных и социальных процессов. Относительная роскошь таких услуг в обществе является барометром более широкой сексуальной культуры, а также силы и темперамента общественного мнения. Он проливает свой яркий свет на такие разнообразные вещи, как городская география, климатические условия, положение женщин в обществе, брачные кодексы, религиозный дух, а также сферу полиции и медицинских учреждений.

Куприн стремился не просто описать жизнь публичных домов, но и показать проблемы, с которыми сталкиваются их обитатели. Он исследует

мотивы и обстоятельства, приводящие женщин к занятию проституцией, и пытается понять, каким образом общество влияет на их судьбы. В этом контексте «Яма» становится не просто романом о падших женщинах, но и социальным исследованием.

Роман раскрывает вопрос о правах и положении женщин. Куприн показывает, что проблема проституции не является изолированной, а тесно связана с другими аспектами социальной жизни: тщательное изучение природы и масштабов этого явления в данных исторических рамках потребовало изучения количества и типов, вовлеченных в нее людей, мер, принятых для уменьшения ее распространенности, связи этого явления с промышленностью, правительством, преступностью, семейной стабильностью, миграцией, этническими особенностями и социальной структурой. Автора обвиняли в порнографическом описании и чрезмерном натурализме, хотя в произведении нет нарочито опошленных сцен. Все повествование ведется в соответствии с реальностью того времени. Главным местом действия становится бордель среднего класса и Куприн не просто рассказывает о жизни дома терпимости, а проводит читателя через переживания героев и описывает многогранность отношений, происходящих в таком доме. Он дает возможность героиням высказаться и объяснить свой выбор, а также подчеркивает тот факт, что каждый человек независимо от своего социального положения имеет чувства и эмоции. Кроме того, автор явно выражает свое негодование по отношению к тому, как общество видит женщин.

Л.Н. Толстой, прочитав первые страницы, назвал Куприна «человеком с художественным чутьем» [Гольденвейзер, 1959: 23]. Публицист и критик В.В. Воровский тоже высказывался о еще на тот момент неопубликованном произведении, отмечая, что «Яма» носит «чуждый Куприну характер идеализации, и самый стиль последней его повести пропитан чуждой ему слащавостью» [Воровской, 1956: 198]. П.Н. Берков резко критикует взгляд Куприна на возможность перевоспитания человека: «Непониманием законов

общественного развития, признанием изменности человеческой природы объясняется неудача самого крупного по объему и наименее сохранившего для советского читателя значение произведения Куприна – повести «Яма»» [Берков, 1956: 114].

Так, большая часть писательского сообщества оценила первую часть романа оценила негативно. Куприн говорил по этому поводу сотрудникам газет: «Ругают меня за первую часть «Ямы», называют порнографом, губителем юношества и, главное, автором грязных пасквилей на мужчин. Пишут, что я изображаю все в неверном виде и с целью сеяния разврата. Это было ничего!.. Но вот критика меня удивляет. Как можно так поспешно делать окончательные выводы о произведениях, которое еще не окончено? Одни критики меня расхваливали, другие разругали...» [Куприна, 1971: 37]

Современная исследовательница Г.Н. Боева в статье «Книга, читатели и читательницы в повести Куприна «Яма» (2021) сравнивает произведение Куприна с «экспериментальным романом» Э. Золя, подчеркивая такие черты натурализма как «фактографизм, введение в зону художественного анализа нового социального материала, биологическое объяснение поведения человека» [Боева, 2021: 72]. А.Е. Гусева в статье «Становление и развитие физиологического очерка в русской литературе» (2012) также обращает внимание на «особую физиологию» купринских очерков и при этом «некоторая импрессионистичность наблюдений» [Гусева, 2012: 24], что еще раз свидетельствует о специфической реалистичности стиля Куприна.

Таким образом, не смотря неоднозначную критику писателя современниками, за его откровенность и реализм, роман Куприна постепенно нашел признание среди исследователей и читателей, а проблематика романа А.И. Куприна «Яма» начала обретать свою большую значимость.

1.3. Генезис мотива спасения падшей женщины в русской литературе

Мотив спасения падшей женщины занимает значительное место в русской литературе, особенно в XIX веке, периоде, когда литературное творчество было тесно связано с морально-этическими исследованиями общества. Этот мотив не только отражает общественные настроения того времени, но и показывает, как литература становится местом для исследования и переосмысления ролей женщин.

Истоки мотива спасения падшей женщины в русской литературе можно проследить до литературных и религиозных источников, где женщина часто выступает в роли грешницы, нуждающейся в искуплении. Персонажи падших женщин в русской литературе часто сталкиваются с социальным осуждением и личным кризисом, однако их спасение через любовь или благородный поступок мужчины предлагает путь к моральному возрождению. Например, в повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» (1835) спасение не получает своей реализации. Пискарев, мечтательный и романтически настроенный художник, встречает на Невском проспекте красивую женщину и влюбляется в нее. Впоследствии он узнает, что она работает в публичном доме. Пискарев пытается спасти девушку и выход, по его мнению, из порочной жизни может оказаться возможным посредством труда: «“Правда, я беден”, сказал наконец после долгого и поучительного увещания Пискарев, *“но мы станем трудиться;* [здесь и далее курсив наш. – С. Д.], мы постараемся наперерыв, один перед другим, улучшить нашу жизнь. Нет ничего приятнее, как быть обязану во всем самому себе. Я буду сидеть за картинами, ты будешь, сидя возле меня, одушевлять мои труды, вышивать, или заниматься другим рукоделием, и мы ни в чем не будем иметь недостатка”. “Как можно!” – прервала она речь с выражением какого-то презрения. “Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою”» [Гоголь, 1938: 32]. Предложение героя воспринимается девушкой негативно, она считает честный труд рабством, так что его усилия оказываются тщетными и не выдержав потрясения, Пискарев кончает жизнь самоубийством.

Через образ Пискарева и его попытку спасти падшую женщину Гоголь подчеркивает трагизм человеческой судьбы и безысходность в условиях большого города. Автор показывает, что даже самые искренние и благородные намерения могут быть разбиты о суровую реальность и пороки общества. Гоголь не только исследует внутренний мир своих героев, но и создает широкую картину петербургской жизни, в которой переплетаются мечты и разочарования, надежды и отчаяние.

Похожая стратегия поведения героя прослеживается в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868). Князь Мышкин тоже предлагает героине спасение посредством честного труда: «Я ничего не знаю, Настасья Филипповна, я ничего не видел, вы правы, но я... я сочту, что вы мне, а не я сделаю честь. Я ничто, а вы страдали и *из такого ада чистая вышли, а это много*. <...> Я никому не позволю про вас слова сказать, Настасья Филипповна... *Если мы будем бедны, я работать буду*, Настасья Филипповна... <...>. Но мы, может быть, будем не бедны, а очень богаты...» [Достоевский, 1973: 154]. Мышкин искренне пытается спасти Настасью Филипповну, предлагая ей не только материальную, но и духовную поддержку. В цитате также фиксируется выход героини из ада, аналогичный выходу Веры Павловны из «подвала» и Любки из «ямы».

Генерал решение Мышкина называет «анекдотом» («Вот и новый анекдот!» [Там же: 154]). Сама Настасья Филипповна не верит в идею князя. Указывая Мышкину на его наивность, она произносит реплику о том, что такие поступки свойственны героям романа, подчеркивая «литературность» поведения князя (в целом свойственную ему в рамках художественного мира):

«– Это я-то честная?»

– Вы.

– Ну, это там... из романов! Это, князь голубчик, старые бредни, а нынче свет поумнел, и всё это вздор!» [Там же: 154]. В итоге Настасья Филипповна оказывается неспособной принять эту помощь. Её внутренний конфликт неразрешим и в финале она выбирает бегство с Рогожиным, что приводит к её

гибели. Этот выбор демонстрирует невозможность спасения падшей женщины в условиях общества, где господствуют предрассудки. Сквозь призму судьбы Настасьи Достоевский исследует трагедию падшей женщины и показывает, что спасение невозможно навязать извне, если сама личность не готова принять его.

Далее этот мотив получает новое прочтение. В рассказе А.П. Чехова «Припадок» (1888) студент-юрист Васильев идёт со своими друзьями к публичным женщинам. Увиденное потрясает героя: «Порок есть, – думал он, – но нет ни сознания вины, ни надежды на спасение. Их продают, покупают, топят в вине и в мерзостях, а они, как овцы, тупы, равнодушны и не понимают. Боже мой, боже мой!» [Чехов, 1977: 212]. Васильев ужасается не только жестокостью по отношению к женщинам, но и безразличию самих девушек к своему падению. Позже моральные страдания героя перерастают в физические. В припадке он начинает думать о возможности изменения жизни таких девушек и способах их спасения: «Все эти немногочисленные попытки, – думал Васильев, – можно разделить на три группы. Одни, *выкупив из притона женщину, нанимали для нее номер, покупали ей швейную машинку, и она делалась швеей.* И выкупивший, вольно или невольно, делал ее своей содержанкой, потом, кончив курс, уезжал и сдавал ее на руки другому порядочному человеку, как какую-нибудь вещь. И падшая оставалась падшею. Другие, выкупив, тоже нанимали для нее отдельный номер, покупали неизбежную швейную машинку, пускали в ход грамоту, проповеди, чтение книжек. Женщина жила и шила, пока это для нее было интересно и ново, потом же, соскучившись, начинала тайком от проповедников принимать мужчин или же убегала назад туда, где можно спать до трех часов, пить кофе и сытно обедать. Третьи, самые горячие и самоотверженные, делали смелый, решительный шаг. Они женились. И когда наглое, избалованное или тупое, забитое животное становилось женою, хозяйкой и потом матерью, то это переворачивало вверх дном ее жизнь и мировоззрение, так что потом в жене и в матери трудно было узнать бывшую падшую женщину. Да, женитьба лучшее

и, пожалуй, единственное средство» [Там же: 215]. Героя Чехова можно сравнить с репортером Платоновым из «Ямы» А.И. Куприна схожего с ним в функции наблюдателя жизни падших женщин, но если Васильев видит спасение по крайней мере в женитьбе, то Платонов считает выход из публичного дома абсолютно невозможным.

Попытки героев русской литературной классики спасти падших женщин оборачиваются их собственным крахом и гибелью, что подчеркивает непреодолимость социальных и нравственных преград. Гоголь показывает, что даже самые благородные намерения могут быть разрушены пороками и несправедливостью общества.

Достоевский в «Идиоте» углубляет мотив спасения, исследуя его религиозные и философские аспекты. Он рассматривает спасение не только как внешнее действие, но и как внутреннее духовное преображение. Достоевский показывает, что истинное спасение возможно только через искреннюю любовь и самопожертвование, но оно часто остается недостижимым из-за внутреннего сопротивления и страха самих героев.

Чехов в «Припадке» акцентирует внимание на человеческой солидарности и милосердии. Он показывает, что спасение возможно через личное участие и моральную поддержку, которые могут помочь человеку обрести веру в себя и найти силы для нового начала. Чехов подчеркивает важность индивидуального подхода и человеческого понимания, которые могут стать источником спасения для падших женщин.

Рассмотрим также нефикциональные сочинения. В письмах, опубликованных А.В. Вдовиным в книге «Дамы без камелий: письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому» (2022), фиксируется рассматриваемая в исследовании модель спасения, только она была реализована в действительности. Становится известным то, что Н.А. Добролюбов решает жениться на горничной и это действие Н.Г. Чернышевским оценивается негативно, не смотря на то, что писатель имел передовые взгляды, в том числе и на брак: «Чернышевский действовал

прагматично, отговаривая друга связывать свою жизнь с девушкой, которая была, по его мнению, “добрая, честная, но совершенно необразованная, не умевшая даже и держать себя хоть бы так, как умели держать себя горничные, жившие в услужении у семейств не то что светского, а хоть бы невысокого чиновничьего круга”: “...жениться на ней значило бы убить себя и ее”» [Дамы без камелий, 2022: 36]. Из этого следует, что Н.Г. Чернышевский не был сторонником неравного брака, хотя в его романе «Что делать?» Вера Павловна выходит замуж за Дмитрия Лопухова, который по социальному статусу находится ниже ее. Тем не менее, такое противоречие допустимо, поскольку художественное произведение не всегда в полной мере должно (и может) выражать реальные взгляды писателя. Идеологический фокус в изображении брака в романе больше направлен на разрешение женщине быть равной мужу.

Отношения Добролюбова с Терезой, как отмечается в письмах, обостряются после брака, и писатель приходит к выводу, что его чувства к ней не были настоящей любовью, а скорее увлечением или сожалением. Они прекращают совместно жить, но писатель не решается бросить девушку и продолжает ее содержание: «Он постепенно приходил к выводу, что их отношения не только исчерпаны, но и не были похожи на подлинную любовь: Мои отношения с Терезой все более и более принимают какой-то похоронно-унылый характер, особенно с тех пор, как прекратилась их внешняя сторона. Я понял, что никогда не любил этой девушки, а просто увлечен был сожалением, которое принял за любовь. <...> Любви к ней я не могу чувствовать, потому что нельзя любить женщину, над которой сознаешь свое превосходство во всех отношениях. Идеальную спутницу жизни он представлял иной – духовно близкой, стоящей на его интеллектуальном уровне...» [Вдовин, 2022: 38]. Это отражает его стремление к интеллектуальному и духовному соединению в отношениях, что не было достигнуто в его союзе с Терезой.

Таким образом, этот мотив не только отражает общественные настроения того времени, но и показывает, как литература становится местом

для исследования и переосмысления ролей женщин. Анализ писем «дам без камелий» позволяет более глубоко понять личные убеждения и идеологические взгляды писателей XIX века, их отношение к браку, любви и общественным нормам своего времени. Исторический контекст и личные истории, запечатленные в подлинных сочинениях, также играют важную роль в интерпретации литературных идей и социокультурных изменений.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе работы был проведен анализ биографических материалов об исследуемых писателях и совершена попытка сопоставления их творческих стратегий.

Взаимодействие жизни и творчества Чернышевского сводится к строгому следованию им определенных правил и идей, диктуемых философскими концепциями. Чернышевский, находясь под сильным влиянием академической среды и идей европейского Просвещения, строил свои произведения на основе рационалистических и утопических представлений о равенстве и справедливости. Его творчество является отражением попытки реализации этих идей в литературной форме. Это подчеркивает отдаленность Чернышевского от жизни вне писательской деятельности, а значит и некоторую атрофированность от действительности.

В противоположность этому Куприн, лишенный строгой идеологической привязки, формировал свое мировоззрение на основе богатого жизненного опыта. Он пробовал себя в различных ремеслах и профессиях, что позволило ему взаимодействовать с представителями разных социальных слоев и культур. Это привело к более реалистическому и «приземленному» восприятию действительности. Так главным отличием между рассматриваемыми писателями является отсутствие идеологического мышления у Куприна, а отсюда и противоположные взгляды на положение отдельной личности в обществе и экономике, функции брака и отношения к нему, на политическую и социальную сферу общественной жизни.

Идеологическое мышление мотивирует Чернышевского подходить рационально ко всем сферам жизни. Так, вступая в брак он долго размышлял о своей функции таком союзе и о том, какой должна быть его идеальная избранница. Для Куприна же, решение жениться стало чувственным и импульсивным решением, продиктованным чувствами и состоянием на определенном жизненном этапе.

В политических взглядах, не смотря на либеральность обоих писателей, конфликт состоит в том, что Чернышевский придерживался социал-утопических взглядов и активно выступал за коренное изменение общественного порядка и общее равенство. Его произведения проникнуты идеями социальной справедливости и реформ. Куприн, в свою очередь, не был пропагандистом и не стремился к революционным изменениям. Его произведения акцентируют внимание на проблемах личностного самоопределения и внутренних переживаниях героев, что позволяет видеть проблемы общества через призму индивидуальных судеб.

Что касается мотива спасения падшей женщины в русской литературе, то в первой главе мы старались обратить внимание на некоторые его истоки и последующую трансформацию. Изученный материал позволяет сделать вывод о том, что с течением времени оптимистический взгляд на возможность спасения сменяется скепсисом. В каждом из рассмотренных произведений герои ведут себя по одному и тому же сценарию, видят одинаковые варианты возможности разрешения проблемы положения женщины, но ни в одном из них это не оказывается осуществимым (кроме романа «Что делать?»). Нереальность такой стратегии подчеркивается и подлинными письмами Чернышевского и Добролюбова. Этот мотив способствует осмыслению возможности и пределы человеческого спасения, попытки его перевоспитания.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РОМАНОВ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» И А.И. КУПРИНА «ЯМА»

2.1. Мотив «спасения» в романах «Что делать?» и «Яма»

2.1.1. Переключка судеб Веры Павловны и Любы

Многие писатели в своих произведениях обращаются к теме перевоспитания человека, раскрывая ее путем перемещения героя в идеальную для соответствующих изменений среду. Такая тенденция прослеживается в романе И.А. Гончарова «Обломов» (1859), Е.И. Замятина «Мы» (1920) и других. Так, читатель может проследить эволюцию или стагнацию героя в зависимости от обстоятельств, окружения и других измененных факторов.

В рассматриваемых нами произведениях, эта тема является одной из центральных и раскрывается с помощью схожего сюжета «спасения» главных героинь. Он реализуется благодаря союзу девушек со «спасителями» которыми являются Лопухов и Лихонин.

Вера Павловна Розальская – один из главных персонажей романа «Что делать?». Вера является примером новой женщины, которая стремится к самореализации и личной свободе. С самого начала она чувствует себя не такой как все: «А Верочка, наряженная, идет с матерью в церковь да думает: “к другой шли бы эти наряды, а на меня что ни надень, все цыганка – чучело, как в ситцевом платье, так и в шелковом. А хорошо быть хорошенькою. Как бы мне хотелось быть хорошенькою!»» [Чернышевский, 1975: 17]. В начале романа Вера Павловна находится в крайне зависимом положении: живя с родителями, интересы и жизненные взгляды которых расходились с ее мировосприятием, героиня страдает: «Прежде она только ненавидела мать, вчера думалось ей, что она перестает ее ненавидеть, будет только жалеть, – теперь опять она чувствовала ненависть, но и жалость осталась в ней»

[Чернышевский, 1975: 26]. Разрешение конфликта «отцов и детей» становится возможным только при условии заключения фиктивного брака. Эта идея была предложена Дмитрием Лопуховым для «освобождения» девушки от гнета социальных условий, при которых благополучие женщины напрямую зависит от удачного брака: «Вы знаете, что я говорил: да, жену и мужа не могут разлучить. Тогда вы свободны. <...> – Вот, мой милый, ты меня выпускаешь на волю из подвала: какой ты умный и добрый» [Чернышевский, 1975: 92]. Если ориентироваться на традиционное понимание любви, то можно сделать вывод, что между героями нет никаких нежных чувств. В ходе развития событий в романе, Вера все больше задумывается о том, действительно ли она любит Лопухова, как она говорит, или это просто признательность за спасение: «Так неужели же я люблю его за то, что он выводит меня из подвала? Не самого его, а свое избавление из подвала?» [Чернышевский, 1975: 175], «Как я его люблю: он выводит меня из подвала» [Там же: 176]. Помимо этого, спасение Веры Павловны заключается в ее интеллектуальном и профессиональном развитии. Создание швейной мастерской становится для Розальской не просто способом заработка, но и символом женской независимости и солидарности. Мастерская становится утопическим пространством, где женщины могут работать и жить независимо от мужчин.

Таким образом, Вера Розальская в романе «Что делать?» представлена как образ женщины, которая готова бороться за свои права и свою свободу. Героиня демонстрирует эволюцию из домашней женщины, повинующейся стереотипам традиционного общества, в активную общественную деятельницу, настроенную на изменение статуса. В произведении она произносит такую реплику: «Женщины! Кто мы такие? Мы вдохновители благих дел. Мы можем добиться равенства женщин и мужчин, если будем стремиться к этому и самими доказывать свою гражданскую значимость» [Чернышевский, 1975: 243]. Приведенная цитата демонстрирует новое видение роли женщины в обществе, а также подчеркивает активную позицию

Веры в борьбе за свои идеалы и прогрессивные ценности: она призывает женщин искать свою гражданскую значимость, стремиться к равноправию.

В отличие от истории спасения Веры Павловны, судьба Ирины Вощенковой (Любы) в произведении А.И. Куприна «Яма» показывает более реалистичное и трагическое развитие событий. В книге Куприна, повествователь еще в самом начале романа описывая быт дома терпимости, делает намек на невозможность перевоспитания человека, привыкшего к определенным условиям жизни: «каждый вечер приносил с собою такое раздражающее, напряженное, пряное ожидание приключений, что *всякая другая жизнь, после дома терпимости, казалась* этим ленивым, безвольным женщинам *пресной и скучной*» [Куприн, 1958: 27]. Мотив спасения порочной девушки в «Яме» раскрывается благодаря инициативе студента вытащить проститутку из дома Анны Марковны и подарить ей возможность начать новую жизнь. И если момент «освобождения» Веры Павловны не поддается у Чернышевского никакому сомнению, то Куприн же раскрывает сюжет совершенно иначе. Во-первых, у Куприна девушки скептически относятся к мужчинам, которые обещают им хорошую жизнь: «Да-а! Обманете небось? Все вы мужчины такие. Вам бы сперва своего добиться, получить свое удовольствие, а потом нуль внимания!» [Куприн, 1958: 160]. Постоянно взаимодействующие с мужчинами, они знают их психологию, поэтому даже наивная и простая Люба относится к этому скептически и не сразу откликается на эту идею: «...берите Любку. Это не то, что я. Я как старая драгунская кобыла с норовом. *Меня ни сеном, ни плетью не переделаешь*, А Любка – девочка простая и добрая. И к жизни нашей еще не привыкла. Что ты, дурища, пялишь на меня глаза? Отвечай, когда тебя спрашивают. Ну? Хочешь или нет? – А что же? Если они не смеются, а взаправду... А ты что, Женечка, мне посоветуешь?..» [Куприн, 1958: 105].

Согласившись изменить свою жизнь, девушка оказывается брошенной своим спасителем. Вначале студент был настроен решительно:

Я и подумал: к чему слова и лишние восклицания? К черту лицемерные речи на съездах. К черту аболиционизм, регламентацию (ему вдруг невольно пришли на ум недавние слова репортера) и все эти раздачи священных книг в заведениях и магдалинские приюты! Вот я возьму и поступлю как настоящий честный человек, вырву девушку из омута, внедрю ее в настоящую твердую почву, успокою ее, ободрю, приласкаю. <...> Научу ее сначала читать, писать, потом открою для нее маленькую кухмистерскую или, скажем, бакалейную лавочку. Думаю, товарищи мне не откажутся помочь. Сердце человеческое, братец мой, князь, всякое сердце в согreve, в тепле нуждается. И вот посмотри: через год, через два я возвращу обществу хорошего, работающего, достойного члена, с девственной душой, открытой для всяких великих возможностей... Ибо она отдавала только тело, а душа ее чиста и невинна... [Куприн, 1958: 166].

Далее же Лихонину потребовалось не много времени чтобы разочароваться в своей идее. Как только он пошел за бланком Любки, его начинают одолевать сомнения: «Не нужно было затевать всю эту фальшивую комедию, – думал он раздраженно. – Нечего уж и говорить о том, что я стал теперь позорной сказкою всего университета. Дернул меня черт! А ведь даже и вчера днем было не поздно, когда она говорила, что готова уехать назад. Дать бы ей только на извозчика и немножко на булавки, и поехала бы, и все было бы прекрасно, и был бы я теперь независим, свободен и не испытывал бы этого мучительного и позорного состояния духа» [Куприн, 1958: 203].

Студент, желая сделать благое дело, изначально одержим идеей, но начав ее реализовывать, остаётся разочарованным, потому что изначально обходит стороной вероятность того, что для изменения жизни другого человека, привыкшего к маргинальному образу жизни, одних амбиций может оказаться мало. Героичность и благородность Лопухова в романе Чернышевского как «спасителя», в образе Лихонина трансформируется в бесчестность и подлость. Студент начинает тяготиться своим экспериментом и в итоге только глубже загоняет в «яму» полюбившую его девушку: «С душевной болью, со злостью и с отвращением к себе, и к Любке и, кажется, ко всему миру, бросился Лихонин, не раздеваясь, на деревянный кособокий пролежанный диван и от жгучего стыда даже заскрежетал зубами. Сон не шел к нему, а мысли все время вертелись около этого дурацкого, как он сам

называл увоз Любки, поступка, в котором так противно переплелся скверный водевиль с глубокой драмой. “Все равно, – упрямо твердил он сам себе, – раз я обещался, я доведу дело до конца. И, конечно, то, что было сейчас, никогда-никогда не повторится! Боже мой, кто же не падал, поддаваясь минутной расхлябанности нервов? Глубокую, замечательную истину высказал какой-то философ, который утверждал, что ценность человеческой души можно познавать по глубине ее падения и по высоте взлетов. Но все-таки черт бы побрал весь сегодняшний идиотский день, и этого двусмысленного резонера-репортера Платонова, и его собственный, Лихонина, нелепый рыцарский порыв! Точно, в самом деле, все это было не из действительной жизни, а из романа “Что делать?” писателя Чернышевского. И как, черт побери, какими глазами погляжу я на нее завтра?”» [Куприн, 1958: 176]. Помимо переживаний студента, этот эпизод включает в себя еще и эксплицитную отсылку к роману Чернышевского, что подтверждает наличие художественного диалога между писателями.

Возвращаясь в дом терпимости Любе снова приходится быть униженной: «Ты хочешь, чтобы тебя опять приняли?.. Ты там черт знает с кем валялась по улицам, под заборами, и ты опять, сволочь, лезешь в приличное, порядочное заведение!.. Пфуй, русская свинья! Вон!..» [Куприн, 1958: 244]. Таким образом, в романе Куприна «спасение» оказывается невозможным.

Реабилитация «униженных и оскорбленных» с точки зрения Чернышевского происходит естественно и легко: люди, которые раньше вели маргинальный образ жизни, оказавшись в другой среде, сразу к ней приспособляются. Девушки, которые приходят работать в мастерскую к Вере Павловне, быстро и без проблем переучиваются. В тексте произведения нет подробностей о том, какие чувства они испытывают при таком кардинальном изменении образа жизни. В «Яме» же подробно описаны вся сложность перевоспитания человека. Люба не может выйти из привычной среды и приспособиться к непривычной жизни: обучение и быт даются ей тяжело: «Хозяйкой Любка оказалась менее чем посредственной» [Куприн,

1958: 219], «Но с чаем у нее не особенно ладилось. Дома, в глухой деревне, где этот напиток считался еще почти редкостью, лакомой роскошью зажиточных семейств, и заваривался лишь при почетных гостях и по большим праздникам, – там над разливанием чая священнодействовал старший мужчина семьи. Позднее, когда Любка служила “за все” в маленьком уездном городишке, сначала у попа, а потом у страхового агента, который первый и толкнул ее на путь проституции, то ей обыкновенно оставляла жидкий, спитой, чуть тепловатый чай с обгрызком сахара сама хозяйка, тощая, желчная, ехидная попадья, или агентиха, толстая, старая, обрюзглая, злая, засаленная, ревнивая и скупая бабища. Поэтому теперь простое дело приготовления чая было ей так же трудно, как для всех нас в детстве умнее отличать левую руку от правой или завязывать веревку петелькой. Суетливый Лихонин только мешал ей и конфузил ее» [Куприн, 1958: 180].

Выбирая прикладную деятельность для героини, студенты не случайно выбирают шитье. В диалоге молодых людей можно заметить скрытую аллюзию на роман Чернышевского:

«– А купишь ей швейную машинку?

– Почему именно швейную машинку? Не понимаю.

– Всегда, душа мой, так в романах. Как только герой спас бедное, но погибшее создание, сейчас же он ей заводит швейную машинку» [Куприн, 1958: 166].

Далее Куприн описывает попытку научить Любу шить. Читателю эта ситуация может показаться достаточно комичной в силу того, что каждый из героев с легкостью осваивает это занятие кроме Любки: «Лихонин приобрел для нее в рассрочку чулочно-вязальную машину. Искусство владеть этим инструментом, сулившим, судя по объявлению, три рубля в день чистого заработка его владельцу, оказалось настолько нехитрым, что Лихонин, Соловьев и Нижерадзе легко овладели им в несколько часов, а Лихонин даже ухитрился связать целый чулок необыкновенной прочности и таких размеров, что он оказался бы велик даже для ног Минина и Пожарского, что в Москве,

на Красной площади. Одна только Любка никак не могла постигнуть это ремесло» [Куприн, 1958: 219].

Девушка не способна получить даже базовые знания: «<...>по капризному складу ума, она сравнительно легко начала овладевать сложением и умножением, но вычитание и деление было для нее непроницаемой стеной» [Куприн, 1958: 221]. Также немаловажен тот факт, что эти изменения происходят не по ее воле, а лишь из-за воодушевления студента:

С учением дело шло очень туго. Все эти самозванные развиватели, вместе и порознь, говорили о том, что образование человеческого ума и воспитание человеческой души должны исходить из индивидуальных мотивов, но на самом деле они пичкали Любку именно тем, что им самим казалось нужным и необходимым, и старались преодолеть с нею именно те научные препятствия, которые без всякого ущерба можно было бы оставить в стороне [Куприн, 1958: 220].

Таким образом, социальная атрофированность, отсутствие мотивации и понимания цели приводят к тому, что в конечном итоге Люба приходит к исходной точке – возвращается в дом терпимости, хотя пробует еще раз найти поддержку со стороны Лихонина: «– <...> она без сна пробродила всю ночь по улицам, под дождем, прячась от городских, – только тогда с отвращением и стыдом решила она обратиться к помощи Лихонина. Но Лихонина уже не было в городе: он малодушно уехал в тот же день, когда несправедливо обиженная и опозоренная Любка убежала с квартиры. И вот наутро ей и пришла в голову последняя отчаянная мысль – возвратиться в публичный дом и попросить там прощения» [Там же: 243].

Студент, на которого возложены были все надежды девушки, оказывается неспособным помочь ей. Куприн подчёркивает жестокость и равнодушие общества к судьбам таких женщин. Отчаявшаяся Люба, оставшаяся без поддержки и крова даже задумывается о самоубийстве: «Лучше было повеситься, чем это переносить» [Там же: 241].

Возвращение в дом Анны Марковны переносит не только стыд и унижение, но и физическое насилие со стороны Эммы Эдуардовны. В душе она готова была принять девушку обратно ради своей материальной выгоды,

но из-за своего нрава решает ее избить: «Но во всяком случае она твердо решила взять Любку. Только надо было для сохранения и округления престижа как следует напугать ее» [Там же: 244].

Это ярко иллюстрирует несостоятельность идеи Н.Г.Чернышевского о возможности перевоспитания человека посредством перемены его среды. Зависимость от мужчин и общественное осуждение создают непреодолимые преграды на пути к их спасению. Куприн реалистично изображает трагическую судьбу Ирины, показывая, что такие случаи, как у Веры Павловны, скорее исключение, чем правило.

2.1.2. Реализм и идеализм в спасении падших женщин: Жюли Ле-Теллье и Люба

В романе «Что делать?» мотив спасения можно рассмотреть и на примере другой героини – Жюли Ле-Теллье. Она является свободной, образованной и независимой женщиной, хотя живя во Франции она «была два года уличною женщиной в Париже» [Чернышевский, 1975: 25]. Такое прошлое дает право рассматривать ее с купринской героиней. Благодаря союзу с Сержем она становится полноправным членом общества. Однако встреча с Сержем изменяет ее жизнь, открывая для героини перспективы, о которых она ранее не могла мечтать. Серж предоставляет ей материальную поддержку, что позволяет Жюли избежать судьбы уличной женщины и начать новую жизнь. Этот сюжетный ход подчеркивает утопические элементы романа Чернышевского, где мужчина выступает в роли спасителя женщины, даруя ей возможность социальной и личной реабилитации.

Она находится у него на «содержании», не желая брака, считая это ярмом и предрассудком. Это помогает сохранить героине независимость, но не дает ей занять более высокий социальный статус. Многие продолжают ее считать «самой дурной женщиной» Петербурга. Она и сама считает себя гадкой, но только потому что она вынуждена угождать: «Не тем я развращена,

за что называют женщину погибшей, не тем, что было со мною, что я терпела, от чего страдала, не тем я развращена, что тело мое было предано поруганью, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, угождаю, делаю то, чего не хочу – вот это разврат!» [Чернышевский, 1975: 36].

Важно также подчеркнуть, стремление самой Жюли к спасению. Как и Вера, она не просто принимает решение мужчины облегчить ей жизнь, она требует его: «Вырви меня из этого круга, вырви меня из этой грязи!» [Чернышевский, 1975: 25]. В романе Куприна, как уже было упомянуто ранее, ни одна девушка не стремится к этому. Наоборот: к примеру, Эльза из дома Треппеля, имея любимого жениха, продолжает работать проституткой, считая это самым выгодным и достойным для себя занятием. В диалоге с девушкой Равинская говорит, что выбранный ей спутник жизни мог бы взять ответственность за их будущее и честь Эльзы: «Если Ганс оказался бы трудолюбивым и бережливым человеком, то вам совсем нетрудно было бы через три-четыре года стать совершенно на ноги» [Куприн, 1958: 144]. Но Эльза спорит с гостьей, аргументируя свою позицию тем, что жизнь в доме терпимости – ее осознанный выбор: «Ах, мадам, вы немного ошибаетесь. Вы упустили из виду то, что на самом лучшем месте я, даже отказывая себе во всем, не сумею отложить в месяц более пятнадцати – двадцати рублей, а здесь, при благоразумной экономии, я выгадываю до ста рублей и сейчас же отношу их в сберегательную кассу на книжку. А кроме того, вообразите себе, *gnadige Frau*, какое унижительное положение быть в доме прислугой! Всегда зависеть от каприза или расположения духа хозяев! И хозяин всегда пристает с глупостями» [Там же: 144]. Этот эпизод иллюстрирует нравственный упадок общества и то, к чему может привести условное равенство между мужчиной и женщиной, ведь Эльза уверена, что такая работа делает ее независимой, приносит хороший доход и помогает прийти к «семейному счастью». Такая позиция сближает купринский образ с Жюли.

В отличие от Жюли и Эльзы, Любка в романе Куприна так и остается жертвой обстоятельств. Она тоже вынуждена угождать, но остается в публичном доме, не имея возможности выбраться из «ямы» или же быть довольной таким положением дел.

Если в романе «Что делать?» все условия способствуют «улучшению» общества, то в «Яме» все, наоборот, и невозможность переделки часто подчеркивается второстепенными персонажами. Например, это доказывает эпизод, когда Лихонин забирает Любу из дома Анны Марковны. В успешности плана Лихонина сомневается даже извозчик. Позволим себе привести обширную цитату:

– Плохо же ты меня знаешь! Я слишком честный человек, чтобы обманывать беззащитную девушку. Нет! Я положу все свои силы и всю свою душу, чтобы образовать твой ум, расширить твой кругозор, заставить твое бедное, страдавшееся сердце забыть все раны и обиды, которые нанесла ему жизнь! Я буду тебе отцом и братом! Я оберегу каждый твой шаг! А если ты полюбишь кого-нибудь истинно чистой, святой любовью, то я благословлю тот день и час, когда *вырвал тебя из этого дантова ада!*

В продолжение этой пылкой тирады старый извозчик многозначительно, хотя и молча, рассмеялся, и от этого беззвучного смеха тряслась его спина. Старые извозчики очень многое знают, потому что им, сидящим спереди, и управляющим повозкой, все прекрасно слышно, чего вовсе не подозревают разговаривающие седоки, и многое старые извозчики знают из того, что происходит между людьми. Почем знать, может быть, он слышал не раз и более беспорядочные, более возвышенные речи? [Куприн, 1958: 160].

В этом фрагменте присутствует намек на невозможность спасения. Старый извозчик смеется над наивностью молодого парня, потому что понимает серьезность его идей и в то же время разрушительность его импульсивных действий.

Еще одним доказательством наивности Лихонина является диалог студента с его другом Нижерадзе. Последний перечисляет Лихонину все возможные варианты развития событий:

Тут одно из двух, и все с один и тот же результат. Или ты с ней сойдешься и через пять месяцев выбросишь ее на улицу, и она вернется опять в публичный дом или пойдет на панель. Это факт! Или ты с ней не сойдешься, а станешь ей навязывать ручной или головной труд и будешь стараться развивать ее невежественный, темный

ум, и она от скуки убежит от тэбэ и опять очутится либо на панели, либо в публичном доме. Это тоже факт! Впрочем, есть еще третья комбинация. Ты будешь о ней заботиться, как брат, как рыцарь Ланчелот, а она тайком от тебя полюбит другого. Душа мой, поверь мне, что женшшына, покамест она женшшына, так она – женшшына. И без любви жить не может. Тогда она сбежит от тебя к другому. А другой поиграется немножко с ее телом, а через три месяца выбросит ее на улицу или в публичный дом [Куприн, 1958: 166].

Невозможность выхода подчеркивается и репортером Сергеем Ивановичем Платоновым, который является частым гостем в доме Анны Марковны. Он является для многих живущих там девушек другом и постоянно наблюдая их быт, тоже не верит в возможность изменения их трагической судьбы. Рассказывая о своем желании написать книгу о жизни публичного дома, все ранее написанное вымыслом, не имеющим ничего общего с реальностью: «... все это или ложь, или театральные эффекты для детей младшего возраста, или хитрая символика, понятная лишь для мудрецов будущего» [Куприн, 1958: 73]. Платонов искренне сочувствует обитательницам этого дома и хотел бы для них спасения, но за всю жизнь репортер не встречал подобных примеров. М.Н. Климова в книге «От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития “грешных святых” в русской литературе» (2010), рассматривая образ Платонова и сравнивая его поведение с проповеднической деятельностью преподобного Виталия, отмечает, что в неудачности Любиного спасения отчасти есть вина репортера, который с равнодушием глядел на последствия своего диалога со студентом.

Таким образом, в романе Чернышевского репрезентирована утопическая веру автора в возможность кардинальных изменений в жизни женщины через помощь мужчины. Однако, на ряде примеров из «Ямы» становится понятно, что такое представление является идеализированным и далеким от реальной жизни.

Сравнение этих двух персонажей показывает контраст в их жизненных путях и выборах, влиянии социального и экономического контекста на женщин того времени. Жюли воплощает идеализированный образ женщины, который мог бы быть достигнут через образование и равные возможности. В

то время как Любка является отражением реальности, где женщины оставались в неволе социальных и экономических условий.

2.2. Реализация экономической концепции Чернышевского в «Яме»

В романе «Что делать?» Чернышевский очень подробно описал идеальное экономическое устройство общества. Как было упомянуто ранее, писатель вдохновлялся идеями французского философа Ш. Фурье, так что описание мастерских Веры Павловны во многом совпадает с описанием фаланстеров. Собственно, они ими и являются. Дом терпимости у Куприна тоже можно рассмотреть, как своеобразный кооператив. Такое сопоставление очень ярко определяет невозможность существования трудовых ассоциаций, которые предлагают социалисты.

Прежде всего Чернышевский, как и Фурье, предлагает ориентироваться на пристрастия: «...кто же от своего пристрастия ищет дохода? Всякий еще деньги на него тратит. А я и того не делаю, не трачу. Значит, мне еще большая выгода перед другими, если я своим пристрастием занимаюсь, и нахожу себе удовольствие без убытка себе, когда другим их удовольствие стоит денег» [Чернышевский, 1975: 132]. К концепции Фурье также отсылает четвертый сон Веры Павловны, в котором она видит прекрасный дворец: «Какая легкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, – а окна огромные, широкие, во всю вышину этажей! Его каменные стены – будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? серебро? платина? <...> Но как же все это богато!» [Чернышевский, 1975: 284]. Описанный дворец — это картина ожидаемого прекрасного будущего при условии жизни в кооперативах, которая будет доступно всем.

В «Что делать?» образ «дворца» фигурирует не только как архитектурный элемент, но и как мощный символ утопического социализма и, как следствие, социального равенства. В романе «Что делать?» «дворец»

является метафорой идеального жилища, где каждый индивид может найти место для личного и творческого развития. Этот образ символизирует не только физическое пространство, но и социальную утопию, где гармония и равенство становятся основными принципами существования. «Дворец» в романе – это не роскошь или излишество, а доступное каждому пространство, где удовлетворены базовые и духовные потребности всех членов общества. Также это пространство демонстрирует, как коллективные усилия могут привести к созданию условий, благоприятных для всех членов общества. Этот образ предвосхищает модели коллективного жилья, которые были популярны в советский период, подчеркивая идею о том, что личное благо не должно отделяться от блага общественного.

Если у Чернышевского центральный топос можно трактовать достаточно однозначно, то в «Яме» пространство антиномично. Куприн сравнивает атмосферу Ямы с христианским праздником:

Круглый год, всякий вечер, – за исключением трех последних дней страстной недели и кануна благовещения, когда птица гнезда не вьет и стриженная девка косы не заплетает, – едва только на дворе стемнеет, зажигаются перед каждым домом, над шатровыми резными подъездами, висячие красные фонари. *На улице точно праздник пасха: все окна ярко освещены, веселая музыка скрипок и роялей доносится сквозь стекла, непрерывно подъезжают и уезжают извозчики* [Куприн, 1958: 7]. Этот «праздник» длится лишь ночь, а на утро Яма снова становится «безлюдной <...> с накрепко закрытыми дверями [Там же: 8].

Д.В. Минец в статье «Концепт “публичный дом” в художественном пространстве повести А.И. Куприна “Яма”: гендерный аспект» (2012) указывает на маскарадность борделя как примера вывернутого наизнанку антисоциального пространства.

Вера Павловна была одержима идеей создать нечто подобное фаланстеру, удивляя окружающих своими передовыми идеями в устройстве мастерских:

Швейная мастерская, – что же такое увидела я, как ты думаешь? Мы остановились у подъезда, Вера Павловна повела меня по очень хорошей лестнице, знаешь, одной из тех лестниц, на которых нередко встречаются

швейцары. Мы вошли на третий этаж, Вера Павловна позвонила, и я увидела себя в большом зале, с роялем, с порядочною мебелью, – словом, зал имел такой вид, как будто мы вошли в квартиру семейства, проживающего 4 или 5 тысяч рублей в год. – Это мастерская? И это одна из комнат, занимаемых швеями? «Да; это приемная комната и зал для вечерних собраний; пойдите по тем комнатам, в которых, собственно, живут швеи, они теперь в рабочих комнатах, и мы никому не помешаем» [Чернышевский, 1975: 293].

У Куприна в этом плане все намного прозаичнее: «дом терпимости» находится «на развалинах тех старинных, насиженных гнёзд» [Куприн, 1958: 5], причем отмечается, что их образование «как-то само собою случилось» [Там же: 5]. Такая ситуация формировалась поколениями, постепенно, естественным путем, потребностями определенного слоя общества и культурной обстановкой. В то время как коммуна Веры Павловны в романе Чернышевского организована с «чистого листа».

Дом Треппеля – один из самых старых и дорогих борделей можно рассмотреть, как пример успешной коммуны, ведь девушки в нем гордятся своим положением в обществе и довольны материальным достатком:

«– Что же вас заставляет здесь служить? Надеюсь, – не нужда?
– Конечно, нет, *gnadige Frau*» [Куприн, 1958: 144].

Интересно первое описание дома Треппеля: «Дом двухэтажный, зеленый с белым, выстроен в ложнорусском, ёрническом, ропетовском стиле» [Куприн, 1958: 6]. Такая репрезентация указывает на то, что вероятно такое успешное заведение не может быть «русским», истинно присущим для той действительности, это вообще будто нереально: «неправдоподобной жизнью, выброшенные обществом, проклятые семьей, жертвы общественного темперамента, клоаки для избытка городского сладострастия, оберегательницы семейной чести четыреста глупых, ленивых, истеричных, бесплодных женщин» [Куприн, 1958: 9]. В этом описании отмечается, что в таком публичном доме «чисто и светло», тем не менее даже в таком дорогом заведении жизнь на деле обстоит не лучше, чем у Анны Марковны, что, в свою очередь, усиливает парадоксальность существования «совершенного кооператива».

Рассмотрим более подробно «двухрублевое заведение», в котором живут центральные героини. В описании контингента борделя отмечается, что посетителями такого заведения являются мужчины разных социальных статусов: «Здесь бывают все: полуразрушенные, слюнявые старцы, ищущие искусственных возбуждений <...> и строгие блюстители нравственности – педагоги, и *передовые писатели – авторы горячих, страстных статей о женском равноправии*, и сыщики, и шпионы и беглые каторжники, и офицеры, и студенты, и социал-демократы, и анархисты, и наемные патриоты;» [Куприн, 1958: 8]. Получается так, что даже борцы за справедливость становятся «мотиваторами» роста самой несправедливости, а также способствуют нравственной деградации. Интимные отношения между мужчиной и женщиной являющиеся «самым великим и прекрасным из мировых таинств – таинством зарождения новой жизни» [Там же: 8] лишаются своей возвышенности и «женщины с равнодушной готовностью, с однообразными словами, с заученными профессиональными движениями удовлетворяют, как машины, их желаниям, чтобы тотчас же после них, в ту же ночь, с теми же словами, улыбками и жестами принять третьего, четвертого, десятого мужчину, нередко уже ждущего своей очереди в общем зале» [Там же: 8].

Девушки в доме терпимости вынуждены зарабатывать себе на жизнь торговлей своего тела, у каждой из них своя тяжёлая история: «Тамара когда-то была монахиней или, может быть, только послушницей» [Куприн, 1958: 144], «<...> когда мне было десять с половиной лет, моя собственная мать продала в городе Житомире доктору Тарабукину. Я целовала его руки, умоляла пощадить меня, я кричала ему: “Я маленькая!” А он мне отвечал: “Ничего, ничего: подрастешь”» [Куприн, 1958: 157].

В «Яме» ярко обрисованы характеры и судьбы героев, в то время как у Чернышевского большинство персонажей оказывается обезличенными и идеализированными. Это проявляется и в их образе жизни: каждая ассоциация имеет своё расписание. В «Что делать?» весь день расписан с утра до вечера: «девушки отдыхали от слушания; потом опять чтение, и опять отдых. Нечего

и говорить, что девушки с первых же дней пристрастились к чтению, некоторые были охотницы до него и прежде» [Чернышевский, 1975: 498]. У работниц мастерской Веры Павловной каждый день расписан по часам. В «Яме» распорядок дня далек от идеального: «Два часа дня. Во второстепенном, двухрублевом заведении Анны Марковны все погружено в сон» [Куприн, 1958: 9]. Вся жизнь в борделе течет только по ночам, во время прихода гостей. Все остальное время «свободно» и ничем особо не насыщено: «До обеда, который подается в шесть часов вечера, время тянется бесконечно долго и нестерпимо однообразно. Да и вообще этот дневной промежуток – самый тяжелый и самый пустой в жизни дома» [Куприн, 1958: 15].

Мастерская Веры Павловны становится не просто рабочим пространством, а оплотом саморазвития: «Вера Павловна с первых же дней стала приносить книги» [Чернышевский, 1975: 136], «Вера Павловна, уже и прежде заменявшая иногда чтение рассказами, стала рассказывать чаще и больше; потом рассказы обратились во что-то похожее на легкие курсы разных знаний. Потом, – это было очень большим шагом, – Вера Павловна увидела возможность завести и правильное преподавание: девушки стали так любознательны, а работа их шла так успешно, что они решили делать среди рабочего дня, перед обедом, большой перерыв для слушания уроков» [Чернышевский, 1975: 137]. В публичном доме, описанным Куприным, девушки так не стремятся к саморазвитию. В романе есть лишь одна сцена с курящей во время чтения Женей, после которой подчеркивается, что «Во всем заведении она единственная любительница чтения и читает запоем и без разбора» [Куприн, 1958: 16]. В результате образцовый порядок трудовой ассоциации в «Яме» подвергается разрушению.

Что касается доходов в таких объединениях, то распределение бюджета в «лицее всевозможных знаний» было справедливым: «Вере Павловне хотелось довести до того, чтобы прибыль делилась поровну между всеми» [Чернышевский, 1975: 134]. Героини Чернышевского живут вместе как дружная семья: «почти все девушки уже жили на одной большой квартире,

имели общий стол, запасались провизией тем порядком, как делается в больших хозяйствах» [Чернышевский, 1975: 135]. Если рассматривать в этом аспекте дом терпимости, то девушки там совсем не зарабатывали, а наоборот, даже увеличивали свои долги:

В конце месяца стояло: «Итого 330 рублей». <...> «Сделано платье красное шелковое с кружевом 84 р. Портниха Елдокимова. Матине кружевное 35 р. Портниха Елдокимова. Чулки шелковые 6 пар 36 рублей» и т. д. и т. д. «Дано на извозчика, дано на конфеты, куплено духов» и т. д. и т.д. «Итого 205 рублей». Затем из 330 р. вычиталось 220 р. – доля хозяйки за пансион. Получалась цифра 110 р. Конец месячного расчета гласил: «Итого, за уплатой портнихе и за прочие предметы ста десяти рублей, за Ириной Вощенковой остается долгу девяносто пять (95) рублей, а с оставшимися от прошлого года четыреста восемнадцатью рублями – пятьсот тринадцать (513) рублей» [Куприн, 1958: 209].

Что касается взаимоотношений, живущих в таком доме, то в нем нет такой «семейности» и целостности коллектива, как в романе «Что делать?». Во-первых, в доме терпимости девушки являются конкурентками друг друга: «Между девушками существовало даже какое-то вздорное, детское, странное соревнование в умении “высадить гостя из денег”, – странное потому, что они не получали от этого никакого барыша, кроме разве некоторого благоволения экономки или одобрительного слова хозяйки. Но в их мелочной, однообразной, привычно-праздной жизни было вообще много полуребяческой, полуистерической игры» [Куприн, 1958: 62]. Из-за этого возникает излишняя напряженность и эмоциональность в отношениях. Во-вторых, это усиливается их низким социальным статусом, тяжелым прошлым, в-третьих же – нездоровым образом жизни. Все эти элементы описываются Куприным очень реалистично и подтверждает невозможность продуктивного существования женской ассоциации.

В русле полемики стоит рассмотреть и пространственные отношения «верха» и «низа»: молодой человек выводит девушку из «подвала». Подвал в привычном понимании являет собой помещение ниже уровня земли. Образ подвала – символ прежнего существования под властью предрассудков. Чернышевский пишет с намёком на то, что все должны жить так как живут

герой его романа, а если вспомнить биографию писателя, то как он и его супруга. И нежелание принять такую картину мира – есть призрак признаков невежества и посредственности. У Куприна герой тоже будто бы пытается вытащить Любу из «подвала» – ямы в прямом и переносном значении: «Мы идем все вверх! Все выше и выше! Не это ли символ всех человеческих стремлений?» [Куприн, 1958: 162]. Молодой человек, вероятно, был вдохновлен призывом Чернышевского, который призывал своих читателей «идти вверх»: «Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. <...> Только и всего. Жертв не требуется, лишений не спрашивается – их не нужно. Желайте быть счастливыми – только, только это желание нужно» [Чернышевский, 1975: 378]. Но как уже было упомянуто ранее, такой «подъем» для Любы оказывается роковым и неудачным.

2.3. Возможность разрешения «женского вопроса» в контексте романов

Вопрос о положении женщин в обществе занимает центральное место в обоих обсуждаемых романах. Писатели стремятся не только раскрыть проблемы, с которыми сталкиваются женщины в патриархальном обществе, но и предложить пути их решения. Начало женского движения в России было очевидно связано с попытками обеспечить женщин возможностями профессиональной занятости, а через нее – экономической независимости и это прямо заявляется главной героиней Чернышевского: «Но главное – независимость! Делать, что хочу, – жить, как хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни от кого не требовать, ни в ком, ни в ком не нуждаться! Я так хочу жить!» [Чернышевский, 1975: 57]; «Саша, зачем мне нужно дело, от которого серьезно зависела бы моя жизнь, которым бы я так же дорожила, как ты своим, которое было бы так же неотступно, которое так же требовало бы от меня

всего внимания, как твое от тебя. <...> Я хочу быть равна тебе во всем, – это главное. Я нашла себе дело <...>. Вот какого рода были эти мысли, которые теперь стали живо чувствоваться Верою Павловною и служить мотивами для деятельности» [Там же: 263]. Такие смелые стремления были редкостью для женщин того времени. При этом Чернышевский создаёт образ женщины, которая не только хочет, но и может реализовать свои желания и амбиции. Автором утверждается, что женщины, подобно мужчинам, могут быть равноправными членами общества и приносить пользу не только семье, но и обществу в целом. Более того, в некоторых фрагментах текста положение женщины ставится даже выше мужчины: «Каким верным, сильным, проницательным умом одарена женщина от природы! И этот ум остается без пользы для общества, оно отвергает его, оно подавляет его, оно задушает его, а история человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы этот ум не был опровергаем и убиваем, а действовал бы» [Там же: 537]. Это снова отсылает нас к философским воззрениям Чернышевского, а конкретно к упомянутой ранее «теории перелома палки». Так, в «Что делать?» женщина становится не просто равной мужчине, она становится выше его, но при этом не теряет своих женских слабостей. Это делает образ Веры Павловны противоречивым. С одной стороны, Чернышевский использует ее как модель «новой женщины», свободной и независимой, способной управлять своей жизнью и судьбой. С другой стороны, ее образ полон истинно женских черт, таких как стремление к любви, семейному счастью и эмоциональной близости. Она показана как активная предпринимательница и она создает свою мастерскую полностью самостоятельно. При этом, не смотря на все идеи рациональности, расписание дня Веры достаточно расслаблено, героиня не отличается особой продуктивностью. Она много спит, любит поболтать, труд у неё занимает намного меньше времени чем отдых: «Вера Павловна до следующего утра, – хлопчет по хозяйству... смотришь, Вера Павловна уж и шьет себе какую-нибудь пелеринку или рукавички, готовясь быть посаженной матерью; тут уж нельзя отказаться, – “как же, Вера Павловна, ведь вы сами все устроили,

некому быть, кроме вас”. Да, много хлопот по хозяйству. Потом надобно отправляться на уроки, их довольно много, часов 10 в неделю: больше было бы тяжело, да и некогда. Перед уроками надобно довольно надолго зайти в мастерскую, возвращаясь с уроков, тоже надобно заглянуть в нее. А вот и обед с “миленьким”. За обедом довольно часто бывает кто-нибудь: один, много двое, – больше двоих нельзя; когда и двое обедают, уж надобно несколько хлопотать, готовить новое блюдо, чтобы достало кушанья. Если Вера Павловна возвращается усталая, обед бывает проще; она перед обедом сидит в своей комнате, отдыхая, и обед остается, какой был начат при ее помощи, а докончен без нее. Если же она возвращается не усталая, в кухне начинает кипеть дело, и к обеду является прибавка, какое-нибудь печенье, чаще всего что-нибудь такое, что едят со сливками, то есть, что может служить предлогом для сливок. За обедом Вера Павловна опять рассказывает и спрашивает, но больше рассказывает; да и как же не рассказывать? Сколько нового надобно сообщить об одной мастерской. После обеда сидит еще с четверть часа с миленьким, “до свиданья” и расходятся по своим комнатам, и Вера Павловна опять на свою кроватку, и читает, и нежится; частенько даже спит, даже очень часто, даже чуть ли не наполовину дней спит час-полтора, – это слабость, и чуть ли даже не слабость дурного тона, но Вера Павловна спит после обеда, когда заснется, и даже любит, чтобы заснулось, и не чувствует ни стыда, ни раскаяния в этой слабости дурного тона. Встает, вздремнувши или так понежившись часа полтора-два, одевается, опять в мастерскую, остается там до чаю» [Там же: 140]. Кроме того, естественные женские черты Веры проявляются в ее размышлениях об истинности любви к Лопухову, а далее в переживаниях по поводу своих чувств к его другу. Таким образом, Вера Павловна, проповедующая новые и передовые взгляды, сама по себе является не особо деятельным персонажем, а больше мечтающим и размышляющим.

Помимо нового положения героини, слом традиционной модели отношений между мужчиной и женщиной происходит и в том, что в создании семьи оба члена занимают равную роль. Обе пары договариваются жить в

отдельных комнатах, их отношения подразумевают формат брат-сестра. Именно Вера Павловна еще до брака обозначает эти рамки: «Слушай же, как мы будем жить, – *по твоим же рассказам*. Во-первых, у нас будет две комнаты, твоя и моя, и третья, в которой мы будем пить чай, обедать, принимать гостей, которые бывают у нас обоих, а не у тебя одного, не у меня одной...» [Там же: 94]. Тут стоит отметить, что мотивируют к такой жизни Веру Павловну именно рассказы, а не удачные примеры таких союзов из реальной жизни. Далее в романе все действительно так и происходит. Вместе с главным героем романа, Вера активно пропагандирует свободу личности, равноправие женщин и мужчин. Она становится активисткой, тем самым нарушая общественные нормы и ожидания, связанные с женским родом. Невоспитанность и дурные манеры начали восприниматься как некий знак причастности к передовой жизни. Она начинает действовать вопреки существующим стереотипам женского поведения: «Так я, мой милый, уж и не буду заботиться о женственности; извольте, Дмитрий Сергеич, я буду говорить вам совершенно мужские мысли...» [Там же].

Что касается «Ямы» – на примере отношений Лихонина и Любы раскрывается несостоятельность идеи такого формата отношений. Лихонин неоднократно называет Любу сестрой «Подруга моя, сестра моя, обопрись на мою руку!» [Куприн, 1958: 162], «Все-таки ты должна дать честное слово, что у нас отношения будут только дружеские» [Куприн, 1958: 201]. Лихонин пытается создать отношения, основанные на уважении и поддержке, которые, по его мнению, должны исключать сексуальную близость, но поскольку между героями возникает желание близости, брато-сестринские отношения оказываются несостоятельными.

В романе Чернышевского отношения между мужчиной и женщиной в браке не сопровождаются сексуальными контактами, это можно назвать выгодным сожителем, но в ходе развития сюжета по инициативе героини брак получает сексуальную реализацию. Этот переход от идеализированных отношений к более традиционным подчёркивает противоречие между

утопическими идеями и человеческим естеством. В свою очередь, дом терпимости у Куприна так, что мужчины являются инициаторами встреч и взаимодействия с женским полом, что подчёркивает их доминирующую роль. Поэтому несмотря на порочность таких отношений, они естественны.

Когда Вера Павловна полюбила друга своего мужа Кирсанова, Лопухов, будучи сторонником идей рационализма и разумного эгоизма, видит выход из этой сложной ситуации в жизни втроем. Он считает, что такой подход может удовлетворить потребности всех участников и сохранить гармонию в их отношениях: «Лопухов без Кирсанова не бывает почти никогда ни в опере, ни в знакомых семействах, но Кирсанов часто один провожает Веру Павловну в этих выездах. Лопухов говорит, что хочет остаться в своем пальто, на своем диване. Поэтому только половину вечеров проводят они втроем, но эти вечера уже почти без перерыва втроем» [Чернышевский, 1975: 167]. Герой называет такие отношения «идиллией» и считает, что все люди должны прийти к ней, она доступна всем, кто не чуждается ее. Однако Вера Павловна, несмотря на свою прогрессивность и открытость новым идеям, не может принять такое решение. Это еще раз свидетельствует о противоречивости ее образа. Когда героиня отказывается от этого, Лопухов принимает решения «сойти со сцены» и имитирует свою смерть. При этом герой подчеркивает, что, уступая Веру Павловну Кирсанову, он совсем не жертвует собой, а действует из разумно-эгоистических соображений, ведь наблюдая, что супруга несчастлива, он был бы несчастлив и сам.

Так, «вторая любовь» Веры Павловны не подлежит моральному осуждению, она не считается инфантильной или запретной. Рахметов вообще характеризует девушку как главную жертву произошедшего, виновником же ситуации, по его мнению, является Лопухов: «...он все таки должен был на всякий случай Подготовить вас к чемунибудь подобному, просто как к делу случайности, которые нельзя желать, которые не за чем ждать, на которые все же может представиться...» [Чернышевский, 1975: 225]. Герой подчеркивает,

что Лопухов причинил Вере Павловне много лишнего страдания: «Сколько расстройств для всех троих, особенно для вас, Вера Павловна! <...> Да он наделал вам очень много лишнего горя. <...> Он сильно виноват» [Там же: 227]. Таким образом, Лопухов, подаривший Вере новую жизнь и позволивший ей стать счастливой с Кирсановым, оказывается виновным в том, что не подготовил свою жену к возможным любовным увлечениям. Он сам признает свою ошибку: «С моей стороны была ошибка, ... а уж с её стороны не было совершенно ничего» [Там же: 237]. Это признание подчеркивает его осознание вины и подтверждает, что он несет ответственность за стресс, пережитый Верой Павловной.

Отсюда следует, что даже у Чернышевского женщина занимает «слабую» позицию. Она представлена как жертва обстоятельств и действий мужчин, более того, Вера Павловна оказывается неспособной самостоятельно справиться с возникшими проблемами без предварительной подготовки и поддержки. Это еще раз демонстрирует определенные противоречия в образе Веры и, несмотря на прогрессивность взглядов героини, ее отношения с мужчинами показывают, что женщина может найти счастье в браке только при условии гармоничного сочетания общих идеалов, интересов и романтических чувств.

Обратимся к роману Куприна «Яма». Решившись на смелый поступок, Лихонин изначально воспринимает его скорее не как доброе дело, а как повод для гордости, способ ощутить себя деятельным и благородным человеком. Он не думает о чувствах Любки, когда девушка ему надоедает, он лишь мечтает о том как избавиться от неё и от ответственности, которую он на себя взял. Его мысли становятся всё более циничными и эгоистичными и когда появляется посредник между ним и Любой – его товарищ Симановский, Лихонин начинает размышлять о том, как бы он мог бы посодействовать его освобождению от этих отношений: «Или хоть бы застать их как-нибудь вдвоем, – думал он дальше, – в какой-нибудь решительной позе... поднять крик, сделать скандал... Благородный жест... немного денег и... убежать»

[Куприн, 1958: 237]. Застав друга с девушкой, в глубине души он рад тому, что ему не пришлось ничего делать самому для избавления от Любы: «...в душе он сам себе не сознавался в том, что сию минуту сделает гадость, он лишь только как-то сбоку, издали подумал о том, что его лицо бледно и что его слова сейчас будут трагичны и многозначительны.

– Да! – сказал он глухо, точно актер в четвертом действии драмы, и, опустив бессильно руки, закачал упавшим на грудь подбородком. – Я всего ожидал, только не этого...» [Там же: 239]. Люба, несмотря на свое унижение, реагирует на поступок Лихонина с удивительным смирением, хотя девушка уважала своего «спасителя», была готовой к романтическим отношениям с ним и не собиралась позволять себе связь с другим. Тем не менее, Люба не удивляется поступку Лихонина, поведение студента было ожидаемо. Такое поведение девушки отражает общую ситуацию женщин в ее положении, которые привыкли к постоянным унижениям и предательствам. Вообще все девушки довольно смиренны по отношению к своей судьбе, на работе они рациональны, понимая, что эмоциональные привязанности могут причинить им только вред. Их фокус внимания направлен лишь на мысли о своей выгоде. При этом их нельзя обвинить в бесчувственности. Куприн в «Яме» сводит рассуждения о положении героинь к тому, что в плачевном положении женщин виноваты мужчины, «потому что спрос родит предложение» [Там же: 52]. Это подчеркивает системность проблемы, из-за которых женщины вынуждены становиться проститутками, и указывает на мужскую безответственность.

Таким образом, анализ отношений Лихонина и Любы в купринской «Яме» раскрывает глубину моральных и социальных проблем, связанных с проституцией и человеческими взаимоотношениями. Лихонин, несмотря на свои благородные намерения, не способен преодолеть собственную эгоистичность. Его поступки подчеркивают несостоятельность утопических идей о спасении и братских отношениях, когда они не подкреплены истинным уважением и пониманием. Более того, даже в утопии Чернышевского попытка

изобразить равенство между мужчиной и женщиной оказывается неудачной. Подробный анализ образа Веры Павловны Розальской и ее отношений с Лопуховым и Кирсановым подтверждает тезис о невозможности успешного союза между мужчиной и женщиной, основанного лишь на теоретически продуктивной идее.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В романе Чернышевского «Что делать?» мотив спасения разворачивается совершенно: благодаря союзу с Лопуховым у Веры Павловны Розальской появляется возможность стать независимой и начать свое дело. Становление Жюли Ле-Теллье светской дамой, сохранение ею достоинства после жизни в роли проститутки также подтверждает теорию о том, что человека можно изменив посредством связи с мужчиной-спасителем и изменением среды. Этот же сюжет в «Яме» развивается по-другому: руководствующийся рациональной идеей спасти Любу от горькой судьбы, студент Лихонин только больше травмирует девушку и делает вероятность ее реабилитации абсолютно невозможной.

Несостоятельным в «Яме» становится и продуктивное существование женских мастерских. Вдохновленный концепциями европейских социалистов, Чернышевский полностью заимствовал модель утопического устройства производственного кооператива и применил ее к реалиям России XIX века. Вера Павловна становится инициатором создания швейной мастерской, которая функционирует на принципах справедливости, предоставляя женщинам возможность работать в комфортных условиях и развиваться не только профессионально, но и интеллектуально благодаря уникальной системе и четкому распорядку дня. На примере дома терпимости у Куприна раскрываются недостатки предлагаемой в романе «Что делать?» экономической системы: женщины в произведении Куприна лишены возможностей для самореализации, социализации и вынуждены работать в унижительных условиях. Дом терпимости представляет собой место, где эксплуатация и угнетение женщин становятся нормой, что подчеркивает несостоятельность утопического проекта в контексте реальной социальной и экономической действительности.

Вечный вопрос положения женщины также разрешается авторами по-разному. Героиня Чернышевского являясь главной деятельницей в романе,

заявляет о своих правах не только посредством осуществления предпринимательской деятельности, но и проявляя инициативу в определении модели отношений со своими избранниками. Тем не менее, при всей своей продуктивности она продолжает оставаться женщиной, что проявляется в ее переживаниях и расслабленном образе жизни. В романе Куприна женщина также остается слабой перед мужчиной и своими чувствами, но возможности занять равную позицию у нее уже нет по причине жестокости патриархального строя.

Таким образом, целый ряд рассмотренных примеров позволяет говорить о художественном диалоге Куприна с Чернышевским, развертывающемся на разных уровнях поэтики романа «Яма».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка обозначить полемику с концепцией писателя XIX века, реализуемую в романе А.И. Куприна «Яма». В результате исследования были выявлены значительные различия в жизненных траекториях писателей, которые во многом повлияли на их творческий путь.

Жизнетворческий конфликт между писателями заключается главным образом в том, что Н.Г. Чернышевский имел четкий образ, основанный на утопических представлениях, которому пытался соответствовать в своем бытовом поведении и писательском творчестве. Взгляды Чернышевского наиболее полным образом отразились в романе «Что делать?», который в свою очередь повлиял на становление революционного движения в России формирование социалистических предпосылок.

Куприн же, напротив, демонстрировал «двойственность», балансируя между ролями «обычного» человека и «гения». Его реалистичный подход к литературе и жизни, основанный на личном опыте и наблюдениях за окружающей действительностью, нашёл отражение в романе «Яма». Здесь Куприн подверг критике замыслы Чернышевского, через несколько десятилетий после публикации «Что делать?», иллюстрируя их несостоятельность в реальных условиях.

В ходе исследования было определено, что несогласие Куприна с мировоззрением Чернышевского проявилось в романе «Яма» через образы главных героев (Лопухов / Лихонин, Вера Павловна / Люба), использования схожего мотива «спасения», в создании экономического устройства описываемого общества, в полярности пространств.

Мотив «спасения» оказывается нереализуемым в «Яме» из-за завышенных ожиданий студента от своего эксперимента и игнорирования чувственной стороны человеческой сущности. Критическое отношение к концепциям Чернышевского было выделено и через прямые отсылки героев

Куприна на роман «Что делать?». С помощью этого же мотива в «Яме» обнаруживается невозможность эффективной деятельности коммун в рамках реальной действительности. Такие объединения по замыслу Чернышевского должны были обеспечивать работников всеми необходимыми благами и учитывать их предрасположенности, у Куприна же девушки в доме терпимости бедны, больны и несчастны. Они вместе из нужды, а не из «страстей», их объединяет тяжелая судьба.

Продуктивное существование женских мастерских также подвергнуто критике у Куприна. Чернышевский, вдохновленный концепциями европейских социалистов, предложил модель утопического производственного кооператива, применив её к российским реалиям. Однако в «Яме» Куприна показаны все недостатки этого устройства: женщины лишены возможности самореализации и социализации, вынуждены работать в унижительных условиях, что подчеркивает несостоятельность утопического проекта в контексте реальной социальной и экономической действительности.

Вопрос положения женщины также разрешается авторами по-разному. Вера Павловна у Чернышевского – деятельница, определяющая свои отношения и профессиональные устремления, тогда как у Куприна женщины остаются подверженными жестокости патриархального строя, не имея возможности занять равное положение с мужчинами.

Таким образом, рассмотрение разных уровней поэтики подтверждает наличие напряженного художественного спора Куприна с Чернышевским.

Однако тема едва ли может считаться исчерпанной. В качестве перспективы исследования видится привлечение для подобного рода анализа других произведений Куприна, а также более широкого корпуса текстов авторов начала XX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдиенко В.Н., Мхце Б.З. Источники фольклоризма в творчестве А.И. Куприна // *Kant*. 2016. № 2. С. 56–58.
2. Анненков П.В. Письма к И.С. Тургеневу. СПб.: Наука, 2005. 532 с.
3. Антонов В.Ф. Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. М.: ЛЕНАНД, 2017. 208 с.
4. Афанасьева Э.М. Гендерный дискурс в русской женской литературе XIX века // *Вестник ТГПУ*. 2007. № 8. С. 153–155
5. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
6. Берков П.Н. Александр Иванович Куприн. М., Л.: АН СССР, 1956. 194 с.
7. Боборыкин П.Д. За полвека: (Мои воспоминания) / Ред., предисл. и прим. Б.П. Козьмина. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 383 с.
8. Богословский Н.В. Николай Гаврилович Чернышевский. М.: Молодая гвардия, 1955. 576 с.
9. Боева Г.Н. Книга, читатели и читательницы в повести И.А. Куприна «Яма» // *Труды СПбГИК*. 2021. Т. 222. С. 70–80.
10. Бурмистрова С.В. Любовно-семейная проблематика в русской литературе середины XIX века // *Вестник ТГПУ*. 2010. № 8. С.73–78
11. Вдовин А.В. Дамы без камелий: письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому / пер. с нем. Барсукова Ю.С., пер. с франц. Лаццарин Ф., Новикова А.А. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. 235 с.
12. Вдовин А.В. Ориентализация «другого» как страх перед своим народом: «Олеся» А.И. Куприна в постколониальной перспективе // *Scando Slavica*. 2019. Т. 65. № 2. С. 223–238.
13. Воровский В.В. Литературно-критические статьи. М.: Гослитиздат, 1956. 283 с.
14. Гирц К. Идеология как культурная система // Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: РОССПЭН, 2004. С. 187–221.

15. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 728 с.
16. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого, М.: ГХИЛ, 1959. 517 с.
17. Гусева Е.А. Становление и развитие физиологического очерка в русской литературе // Вопросы русской литературы. 2012. № 20 (77) С. 13–26
18. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 8. Идиот М.: Наука, 1973. 514 с.
19. Золотухина Е.Н. Интертекстуальность в современном русском языке // Наш язык. 2008. № 5. С. 44–46.
20. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 405 с.
21. Климова М.Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: жития «грешных святых» в русской литературе / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. М.: Индрик, 2010. 134 с.
22. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.
23. Кропоткин П.А. Идеалы и действительность в русской литературе. М.: Директ-Медиа, 2014. 311 с.
24. Куприн А.И. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. М.: ГХИЛ, 1958. 794 с.
25. Куприна К.А. Куприн – мой отец. М.: Сов. Россия, 1971. 256 с.
26. Лесков Н.С. Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» // Лесков Н.С. Полное собр. соч.: В 11 т. Т. 10. М.: Худож. лит., 1958. С. 13–22.
27. Лилин В. А.И. Куприн. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1975. 112 с.
28. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1975. С. 25–74.

29. Луначарский А. Силуэты. М.: Молодая гвардия, 1965. 367 с.
30. Мещеряков Н. Ленин о Чернышевском // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. 1. С. 5–23.
31. Минец Д.В. Концепт «Публичный дом» в художественном пространстве повести А.И. Куприна «Яма»: гендерный аспект // *Lingua mobilis*. 2012. № 5 (38). С. 12–18.
32. Миленко В. Куприн: возмутитель спокойствия. М.: Молодая гвардия, 2016. 367 с.
33. Михайлов О.М. Куприн. М.: Молодая гвардия, 1981. 270 с.
34. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / Авториз. пер. с англ. Т.Я. Казачинской. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 187 с.
35. Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: ГХИЛ, 1956. 500 с.
36. Соловьев Г.А. Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М.: Худож. лит., 1974. 398 с.
37. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 18 с.
38. Строкина С.П. Анализ пространства в повести А. И. Куприна «Яма» // *Гуманитарная парадигма*. 2017. № 3. С. 23–27.
39. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопросы языкознания*. 1995. № 6. С. 17–29.
40. Терещенко А.С. Тайны Серебряного века. М.: Аргументы недели, 2015 С. 307–319
41. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 60. Серия 3. Письма. М.; Л.: Художественная литература, 1949 565 с.
42. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 1. 607 с.
43. Фидлер Ф.Ф. Из мира литераторов. Характеры и суждения. М.: НЛО, 2014. 861 с.

44. Фролов П.А. А.И. Куприн и Пензенский край. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1984. 152 с.
45. Фурье Ш. Избранные сочинения: в 2 т. / под об. ред. А. Дворцова, пер. И.А. Шапиро. Т. 2: Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии организованной по сериям, построенным на страстях. М.: Соцэкгиз, 1939. 469 с.
46. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.
47. Худенко Е.А. Жизнетворчество русского романтизма и символизма: поведенческие стратегии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 41–49.
48. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 7. 734 с.
49. Цветков А.А. Ключи к тайнам Куприна: Сб. ст. (док., гипотезы, факты). Пенза: [б. и.], 2013. 255 с.
50. Цитович П.П. Что делали в романе «Что делать?». Одесса: Тип. Ульриха, 1875 48 с.
51. Чернышевская Н.М. Н.Г. Чернышевский (1828–1889) // Русские писатели в Саратовском Поволжье: Сб. очерков / Под ред. Е.И. Покусаева. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1964 С. 63–64.
52. Чернышевский Н.Г. Что делать? М.: Наука, 1975. 876 с.
53. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. С. 146–229.
54. Чуковский К.И. Дневник 1930–1969. М.: Советский писатель, 1995. 598 с.
55. Щербаков Д.А. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» в оценке публицистики и критики 1860-х годов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2016. № 8 (17). С. 50–53.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«**СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра журналистики и литературоведения

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 К.В. Анисимов

« 27 » ~~июня~~ 20 24 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.01. Филология

**ПОЛЕМИКА С Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ В РОМАНЕ
А.И. КУПРИНА «ЯМА»: ПОЭТИКА И ИДЕОЛОГИЯ**

Руководитель

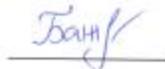
канд. филол. наук, доц. А.Ю. Горбенко

Выпускник

С.П. Дидиченко

Нормоконтролер

канд. филол. наук, доц. Я.В. Баженова